

84(2=632.0)6
У435

БОРИС УКАЧИН

АВТОПОРТРЕТ

474896



БОРИС УКАЧИН

АВТОПОРТРЕТ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

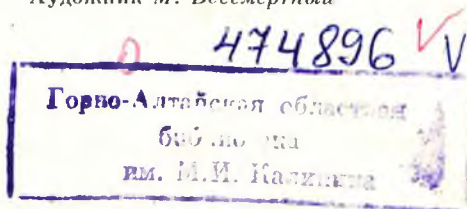
Перевод с алтайского

Москва
«Современник»
1987

84/55-Руч/7-5
84Сиб67
У435

Рецензент В. Мильков

Художник М. Бессмертный



Укачин Б. У.

У43 Автопортрет: Стихотворения и поэмы/
Пер. с алт. Т. Бек и др.; Худож. М. Бес-
смертный. — М.: Современник, 1987. —
174 с., ил.

В книгу известного алтайского поэта Бориса Укачина вошли новые стихи и поэмы, ранее на русском языке не издававшиеся.

В первом разделе сборника, названном автором «У себя дома», собраны стихи об Алтае, о судьбах близких ему людей, раздумья о жизни нашей страны. Второй раздел — «В гостях» — составили стихи, написанные под впечатлением от зарубежных поездок.

У $\frac{4702070000-165}{M106(03) - 87}$ 278—87

ББК 84. Сиб67

АВТОПОРТРЕТ

*Волосы, как трава на кочке, торчат строптиво,
А порою клубятся, как облака...
Лоб раскинулся — большой, как нива.
Сеть морщин глубока.*

*То ли это морщины, то ли
Борозды в распаханном поле.
А быть может, морщины — строки,
Которые выстраданны и строги?*

*Широкоскулый и большелицкий,
Опечалюсь — холоден стану, как лед.
Черны
нахохленные, как птицы,
Брови мои вразлет.*

*Узкие, как лезвие, глаза сощуря,
Гляну — ласков лукавый взгляд.
...Были радости, были бури —
Они вопросом в глазах горят!*

*Нос — бугорок, а не горный кряж.
Печально синеют губы.
Бывает,
я так разозлюсь — аж
Скрипнут зубы.*

*Сколько презрад на путях вдохновенных,
Если характер крут.*

Времени бег

непрерываем

в моих венах,

Где прошлое и грядущее вместе поют.

У СЕБЯ ДОМА

A decorative floral ornament consisting of a central cross-like shape with symmetrical, leafy branches extending outwards, positioned below the title.

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ АЛТАЯ

О далеких и неведомых времен,
Наскальные рисунки, вы — все те же.
Над вами — небо, и со всех сторон —
Дожди, бураны, вой ветров мятежных.

А время, как всегда, вперед идет,
За часом час летит, слагаясь в сутки...
За нами в нескончаемый поход
Спешите вы, наскальные рисунки!

О, сколько их в веках распалось в прах,
Коней и седоков, — нам счесть едва ли!
Но скачут кони предков на камнях,
Бегут и ржут сквозь времена и дали!

Извлечены из бездны временной,
Как из волшебной заповедной сумки,
Медведи, волки, птицы — мир земной,
Впечатанный в наскальные рисунки.

Я в мыслях к позабытым предкам мчусь.
Сильны их души и ясны рассудки!
И доброте, и мужеству учусь,
Читая вас, наскальные рисунки.



* * *

Нет, я родился не у трех берез —
В горах, где реки пенятся, блистая.
В любом краю России

на вопрос,

Откуда я, — отвечу:

— Я — с Алтая!

Я рос — мой мир со мною вместе рос,
Входили в сердце истины простые.

В любом краю планеты

на вопрос,

Откуда я, — отвечу:

— Из России!

Когда среди алтайских гор поедешь,
И попадется встречный верховой,
И ты ему на «здравствуй» не ответишь —
Он только покачает головой:

«Какой же невоспитанный, однако,
Какой высокомерный человек!»
Поэтому, приятель, аргамака
Попридержи нетерпеливый бег.

Остановись, набей неспешно трубку,
И раскури, и встречному вручи,
И, в одобренье твоему поступку,
Такой же знак приязни получи.

И разговор пойдет неторопливый:
Свой род и племя называешь ты,
И где аил твой над рекой бурливой,
Ему сказать не забываешь ты.

Пока идет беседа — и собаки
Покружатся, подружатся вполне,
И мягкими ноздрями аргамаки
Обнюхают друг друга в тишине.

...А я иду по улице привычной,
Идут навстречу тысячи людей —

Огромный, бесконечный, безграничный
Мир сложных судеб, мыслей и страстей.

Но я не говорю им слов привет,
Ни с кем не покурю я, дым клубя.
Алтаец я — и так мне странно это:
Как далеко ушел я от себя!

МОЙ ГОРОД

Прозрачное раннее утро. И я
Стою на вершине горы Тукай.
Зажатый в предгорьях, внизу подо мной
Мой маленький город, мой город родной.

Проснулся он, как в колыбели дитя.
Деревья склонились над ним, шелестя.
И красной лисицей, светясь и горя,
Глядит на него из-за елок заря.

Картина знакомая всем хороша,
Но — хватит тебе умиляться, душа!
В минуту рождения нового дня
Тревожные мысли терзают меня.

Мой город — ребенок, не знавший войны,
Здесь не были взрывы снарядов слышны,
Неведом ему обжигающий страх —
Покойно ему и уютно в горах.

И, может, сегодня поэтому мне
И горько вдвойне, и тревожно вдвойне:
Суровые в мире стоят времена,
Я знаю, как часто ты лжешь, тишина!

Ты благостна, будто беде никакой
Сюда не достать своей длинной рукой,
Как будто для хищных безжалостных стай —
Крылатых ракет — недоступен Алтай.

Но вот ведь какие на свете дела:
Планета сегодня тесна и мала.
И, значит, сегодня на ней недалек,
Легко достигаем любой уголок.
И если однажды шагнем за черту —
Ничто на земле не спасет красоту!

Я знаю, что наша Отчизна сильна,
Что мир на земле защищает она,
И все же стою над родным городком,
И в горле — тревоги и горечи ком...

АРКАН

Сельские табунщики,
Собравшись,
Из грубого конского волоса крутят
Длинный кренкий аркан,
Способный обжечь докрасна
Их жесткие, как кора лиственницы,
Ладони.

Умело свитый аркан прекрасен!..
Ловкий табунщик,
Если прицел точен,
Сразу настигнет шею
Неукротимого
Жеребца-аргамака.

У кого нет своего аркана,
Тот — табунщик ненастоящий.
А между прочим, в табуне много
Необученных гордых иноходцев.
Всякий ли сможет
Приладить седло
На их широкой спине?
Если ты настоящий мужчина,
Сумей оседлать и обучить
Верного скакуна!

Любимое седло —
Это, в конце концов,
Драгоценное наследство:

Но вот ведь какие на свете дела:
Планета сегодня тесна и мала.
И, значит, сегодня на ней недалек,
Легко достигаем любой уголок.
И если однажды шагнем за черту —
Ничто на земле не спасет красоту!

Я знаю, что наша Отчизна сильна,
Что мир на земле защищает она,
И все же стою над родным городком,
И в горле — тревоги и горечи ком...

АРКАН

Сельские табунщики,
Собравшись,
Из грубого конского волоса крутят
Длинный крепкий аркан,
Способный обжечь докрасна
Их жесткие, как кора лиственницы,
Ладони.

Умело свитый аркан прекрасен!..
Ловкий табунщик,
Если прицел точен,
Сразу настигнет шею
Неукротимого
Жеребца-аргамака.

У кого нет своего аркана,
Тот — табунщик ненастоящий.
А между прочим, в табуне много
Необученных гордых иноходцев.
Всякий ли сможет
Приладить седло
На их широкой спине?
Если ты настоящий мужчина,
Сумей оседлать и обучить
Верного скакуна!

Любимое седло —
Это, в конце концов,
Драгоценное наследство:

Оно перейдет твоему сыну,
Сын
Красивым узлом
К торокам привяжет
Необходимый любому табунщику
Аркан.

Смотрю я на земляков,
Которые, собравшись,
Вьют из конского волоса
Аркан,
Смотрю и завидую.

Как прекрасен их новый аркан!
Крепкий и очень нужный аркан!
Похожий на нетленную строку
Золотого стиха — аркан!



Ты говоришь: «Виски болят...»
Ты, верно, утомился, друг.
Ты говоришь, что в сердце — ад...
О ком-то ты тоскуешь, брат,
Или настиг тебя недуг?

Но знаешь: если боли нет —
Нет и тебя!

Ты жив едва ль.
А если взгляд зажгла печаль
И сердце жаждет новых мук,
От коих происходит свет,—
Ты есть!

Ты жив!

Не бойся, друг!

МОСКВА

Как мальчонка не выпускает подол
Мамкин,

 всю свою жизнь за Москвою я шел:
Худо мне — за Москвой,
Хорошо — за Москвой
Шел,
И буду идти я, покуда живой.

Хвалят или поносят меня — все равно,
Потому что сквозь самую черную ночь
Мне Москва,

 как светящееся окно,
Светит, греет и обещает помочь.

Я любые узлы развяжу.

 Разберусь,

Где жестокая правда,
Где черная ложь.
Вспомню я про Москву,

 и печаль мне не в грусть.

Солнце — сплошь!
Радость — сплошь!

Пред Москвою я
Как вопросительный знак,
Словно холм небольшой
Пред величием гор,
Потому что о самых далеких сынах
Не забыла ни разу Москва до сих пор.

Разве я что полегче прошу?

Разве

я ослабел?

Или выдохся?

Или зачах?

Мы московскую ношу несем,

сыновья

Той Москвы, что весь мир пронесла на плечах.

Потому-то и в самые трудные дни

Зажигает Москва вечерами огни,

Чтобы, не остуясь,

за нею я шел,

Как мальчонка,

держа материнский подол.

958444

Горно-Алтайская областная
библиотека
им. М.И. Калинин

ФАНТАЗИЯ И ПОПЫТКА ПРЕДВИДЕТЬ СВОЮ СУДЬБУ

Как подумаю иногда —
Шутки шутят со мной года!
Подошел к сорока пяти —
Не могу порог перейти:
Вновь назад, крута и сильна,
Возвращает меня волна!

Вот мальчонка я — пастушок,
И в руке моей — батожок,
В теплой почве влажных низин
Рою корень я — когозин
И, съедобный тоже, кандык,
Благо ростом я невелик,
До земли мне — недалеко,
Наклоняться мне — так легко!
А на сердце дума одна:
Скоро ль кончишься ты, война,
И вернется домой отец,
И... наемся я наконец?

Но покуда ответа нет,
Лишь зима, за осенью вслед,
К нам спешит, поземку струя...
Черный клубень картошки я
Поднимаю, а клубень тот
Тверд, как мерзлый конский помет.
Далеко еще до весны!

Белый снег, а ноги — красны:
Через двор бегу напрямиком
По морозцу я — босиком...

Вот уже мне шестнадцать лет,
И смотрю я девушкам вслед.
Я горю в любовном огне,
Я скачу на шальном коне,
И село мое — Каярлык —
Слышит мой ликующий крик!..

Вот я вырос и возмужал,
Вот — перо в руке своей сжал.
Легкой жизни не попрошу:
Битый, тертый — живу, дышу!

Вот я сверстника хороню,
Молча голову я клоню,
Горько мне могилу копать...
И уже я вскоре опять
Подхожу к сорока пяти —
Не могу порог перейти!
Вновь назад, крута и сильна,
Возвращает меня волна.

Вновь мальчонка я — пастушок,
И в руке моей — батожок,
И опять мне шестнадцать лет,
Я спешу за девушкой вслед,
Вот опять я мужчиной стал
И от молодости устал.
Вновь пришел к сорока пяти —
Не могу порог перейти.

Это пахнет уже бедой:
Жизнь идет — я все молодой,
И стремительна, и сильна,
Обтекает меня она.
Я оглядываюсь вокруг:
Ни друзей моих, ни подруг.
Это — новые времена,
Это — новые племена.
Средь иных поколений мне
Одиноко, как на Луне!
Как ребята ни хороши —
Ни одной знакомой души.
Не по мне такое житье!
Возвратите Время мое!
Пусть и трудно мне будет, но
С поколением заодно
Мне отмеренные пути
Я хочу до конца пройти.

Я спросил у нового дня:
Что за сила держит меня?
Может, зов непрочтенных книг,
Тайн, которых я не постиг?
Или — женский ревнивый пыл
Тех, кого я недолюбил?

Но в родной моей стороне
Нагадала цаганка мне:
«Будешь жить и глядеть на свет
До семидесяти трех лет!»
Я хочу их прожить сполна,
Чашу жизни испить до дна,
А закончится жизнь моя —
Будут жить мои сыновья,

И в строке моей, хоть одной,
Пусть продлится мой путь земной.
Вот он, вечной жизни секрет,
Вот бессмертье — иного нет,
Я иного и не хочу,
Мне иное — не по плечу!

СОН О ЖЕЛЕЗНОЙ СТРАНЕ

Я не помню тягостнее сна,
Я в слезах со стоном пробудился:
Снилась мне железная страна,
Я в железном мире находился.

Сдавливала сердце мне тоска:
В той стране, в безликом полумраке,
Не сыскать живого червяка,
Где уж там коня или собаки!

Люди, правда, были в той стране —
Но какие! С мертвыми зрачками,
Прикасались, помнится, ко мне
Мертвыми, железными руками.

Странен был их ровный разговор.
Что со мной: в тюрьме, в плену я, что ли?
И луна висела как топор
Над страной, не ведающей боли,
Ни добра не знающей, ни зла...
Где смогу найти такую силу,
Чтобы мне вернуться помогла
К милому отцовскому аилу?

Там шумят алтайские леса,
Что в разлуке мной не позабыты,

Там людей живые голоса
Слышатся, добры и деловиты.

Там белеют яблони в садах,
Нивы золотятся на рассвете,
В деревнях и шумных городах
Бегают и радуются дети.

Где вы, разноцветные стада,
Реки, взгорья, лебеди, верблюды?
Я любил вас, помнится, всегда,
А теперь втройне любить вас буду!

Пусть укажут мне обратный путь,
Как сюда попал я — сам не знаю!..
Все молчит. Лишь сдавливает грудь
Тяжесть непонятная стальная.

Лишь, ведя неумолимый счет,
Над моей растерянной душою
Время равномерное течет:
Мертвое, железное, чужое.

Для меня закрыты все пути,
Чтобы в мир мой солнечный вернуться.
Есть один лишь путь себя спасти:
Сжать в кулак всю волю — и... проснуться!

И напрягся, и проснулся я!
Солнце за окном стоит, сверкая,

Травку щиплет около жилья
Конь. Живой. Вот радость-то какая!

Истукан железный, прочь, не тронь,
Не хочу идти к тебе в науку,
Я в твою железную ладонь
Не вложу свою живую руку!

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ПОЭТУ КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ, ОТПРАВЛЕННОЕ С ДОРОГИ

Тот берег мы покинули вчера,
Без нас теперь пойдут на Рижском взморье
В извечном ритме дни и вечера,
Светиться будут зори и предзорья.

Мне кажется, и в нашей жизни есть
Свой скрытый ритм, закон чередованья:
Вослед печальной — радостная весть,
Сегодня встреча, завтра — расставанье.

Бывает, заночуешь в шалаше,
Наутро снова дальняя дорога,
Оглянешься — и защежит в душе:
Тот малый кров — уже родной немного.

И в каждой из гостиниц, где ты жил,
Где чемодан ты свой дорожный ставил,
Где строчку хоть единую сложил,—
Ты что-то невозвратное оставил.

Что ж тут дивиться! Целый мир вокруг
О человеке, о тебе хлопочет,
Тебя хватает тысячами рук,
Тобой живет и отпустить не хочет.

Мы жили здесь, на рижском берегу,
Бок о бок жили, целый месяц ровно,
И за двоих я говорить могу,
Что здешний кров родной теперь нам близок
кровно.

Пройдут года, иные уголки
Своей земли узнаем и полюбим,
Но будем помнить рижских дюн пески,
Возникшей дружбы узел не разрубим.

Журчит вода, кусты шумят во мгле,
Сверкают звезды в темно-синей тверди,
Но только человеку на земле
Доступна мысль о жизни и о смерти.

И потому, должно быть, потому
Он никогда покоя не находит,
Все, что проходит, дорого ему,
Проходит все — и все же не проходит.

Мир — в нас, мы — в нем, и нет прочней родства,
Ему принадлежим душой и телом.
Уйдем — какой-то частью существа
Останемся и мы на свете белом!

**ВТОРОЕ ПИСЬМО
ПОЭТУ КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ,
ОТПРАВЛЕННОЕ В ДЕНЬ
ВОЗВРАЩЕНИЯ НА ГОРНЫЙ АЛТАЙ
С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

1

По ущелью Чегема, что вами воспето,
Я проехал, волнуясь, по вашим следам,
Посмотрел, как под солнцем кавказского лета
Блещут воды в теснинах, и, щурясь от света,
Постоял я на маленьком мостике там.

Прямо с неба, казалось, неслись водопады,
И теперь не забыть мне уже никогда,
Как вздымаются грозных камней баррикады,
Как по серым щекам величавой громады,
Словно слезы, по капле струится вода.

Так стоит она, плача, годами, веками,
Так ей вечно, в слезах, тут стоять суждено.
Я морщин ее влажных касался руками:
Это камень всего лишь, но сердце не камень,
Даже камню сочувствовать может оно.

Показалось внезапно: на ваши похожи
Эти вечные скулы! И сердце вдвойне
Сжалось вдруг у меня. Пригляделся — о боже! —
Я не видел вас плачущим, брат мой, и все же
Та скала, вся в слезах, вас напомнила мне.

Или, может быть, все потому, что недавно
Сам в горах схоронил я любимую мать,

Пройдут года, иные уголки
Своей земли узнаем и полюбим,
Но будем помнить рижских дюн пески,
Возникшей дружбы узел не разрубим.

Журчит вода, кусты шумят во мгле,
Сверкают звезды в темно-синей тверди,
Но только человеку на земле
Доступна мысль о жизни и о смерти.

И потому, должно быть, потому
Он никогда покоя не находит,
Все, что проходит, дорого ему,
Проходит все — и все же не проходит.

Мир — в нас, мы — в нем, и нет прочней родства,
Ему принадлежим душой и телом.
Уйдем — какой-то частью существа
Останемся и мы на свете белом!

Вот и видятся слезы — неявно и явно...
Но, как воды реки, безоглядно, державно,
Жизнь идет — мы не станем ее проклинять!

2

Мне чегемские ветры лицо оведали,
Волны мчались, как барсы, оскалив клыки,
И дорожные камешки передавали,
Что они на ладони у вас побывали
И хранят теплоту вашей сильной руки.

Вашим зреньем глядел я в глаза человечьи,
Я старался сказать, как сказали бы вы,
По-балкарски — ведь родственны наши
наречья!

И меня старики одобряли при встрече
Величавым наклоном седой головы.

Было все мне занято и все драгоценно!
Я смотрел, как из козьего пуха платки
Продают при дороге; как важно, степенно
Меж двумя преогромными копнами сена
Едет мальчик на ослике кромкой реки.

Шли туристы навстречу, смеясь и болтая,
Шел и попросту праздный, гуляющий народ.
Их немало сейчас и у нас, на Алтае,—
И откуда напасть появилась такая,
Только Время, быть может, само разберет!

Не скажу обо всем — впечатлений так много,
Не мудрец я — всего не понять, не обнять,

Но во мне продолжается эта дорога,
И опять пробуждается в сердце тревога,
И надежда в душе прорастает опять.

И опять меня ветер, шурша облаками,
Побродить и подумать о жизни зовет
Там, где горы беседуют с небом, с веками,
Там, где плачет по-прежнему раненый камень¹,
Там, в ущелье Чегема, где брат мой живет!

¹ «Раненый камень» — название книги стихотворений Кайсына Кулиева.

**ВМЕСТО ТРЕТЬЕГО ПИСЬМА
ПОЭТУ КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ —
НАДПИСЬ НА ЕГО КНИГЕ
«ТРАВА И КАМЕНЬ»,
ПРИСЛАННОЙ МНЕ
ИЗ ЧЕГЕМСКОГО УЩЕЛЬЯ**

Камни Кавказа и камни Алтая,
С давних времен вы окрашены кровью!
Парни Кавказа и парни Алтая,
С давних времен вы пылали любовью

К милым горам и красавицам юным!
Мы за любовь, за счастливую долю
Бились веками — не оттого ли
Мало осталось нас в мире подлунном?

Отчую землю зато отстояли!
...Был я недавно в Чегеме скалистом.
Думал, смотря на мальчишек: не я ли
Сам себе встретился юным и чистым?

Дети в Чегеме, у неба под боком,
Горы Алтая пускай нарисуют!
Дети в моем Каярлыке высоком
Горы Кавказа пускай нарисуют!

Верю — получится: горы похожи,
Схоже и мы говорим и смеемся...
Редко мы видимся, брат мой, и все же
Верится, брат мой, что не расстаемся!



Человек из вчерашнего дня
Иногда навещает меня.
Вовлекает он, глядя в упор,
В бесконечный мучительный спор.

Не злодей, не подлец, не дурак,
Просто многое видит не так,
По-иному, чем видится нам,
Прикрепленным к иным временам.

Убедить я его не могу —
А куда от него убегу?
Разве только в грядущие дни —
Если примут, конечно, они!

ПРИМЕТА ЗИМЫ

В лицо дохнуло холодком,
Как будто выпал снег до срока:
На дереве, как снежный ком,
Сидит сорока-белобока.

Однажды в мире вспыхнул я, как спичка;
Промчится жизнь, там смотришь — и погас...
Но будет так же звонко петь синичка,
Шуметь листва — все будет как сейчас.

Мне странно вспомнить: в юности беспечной,
Когда бродил по долам и лесам,
Не только жизнь кругом я видел вечной —
Казалось мне, что вечен я и сам.

И мой товарищ каждый — тоже вечен,
И красота и молодость жены!
Все вечны, все — кто добр и человечен,
И только злые все обречены.

Вот так я жил: я пировал с друзьями,
Писал стихи, о вечности кричал,
А сам все шел с закрытыми глазами
И тени собственной не замечал.

Как нынче все на это не похоже!
Как выяснилось, жизнь совсем не пир,
И краток век людской, но все же, все же —
Зачем-то ведь пришел я в этот мир?



Темный лес и осенняя мокрая ночь.
Я один, и никто мне не может помочь.
Нет со мною ни друга, ни даже врага,
И не виден мне свет моего очага.

Беспросветная ночь! Ни звезды надо мной,
Ни гортанного возгласа птицы ночной,
Но и в самую черную темень и сыр
Бьется сердце во мне — мой слепой поводырь!



Проложил прокос в траве зеленой —
И, на землю колкую упав,
Жадно освежаюсь, утомленный,
Запахом шестидесяти трав.

Снова нет усталости, на свете
Смерти нет! Я вновь косить готов,
И не слышен мне в минуты эти
Тихий стон подкошенных цветов.



ЗАБРОШЕННЫЕ ДЕРЕВНИ

Валентину Распутину

В невеликих опустелых селах,
На равнинах и среди холмов
Сколько их чернеет — невеселых,
Нежилых, покинутых домов!

В детстве, люди, здесь, над отчим кровом,
Звезды вам сияли так светло!
Так скажите мне, каким суровым
Ветром вас отсюда унесло?

Как нам жить, сладка ль нам будет пища,
Если за плечами, невдали
Села, словно грозные кладбища,
Травами сухими поросли?



РАЗГОВОР С РОДИНОЙ

— Родина, милая Родина, где ты?
— Разве не видишь? Я — черная эта
Почва-земля у тебя под ногами,
Та, что ты меришь в раздумье шагами!

— Родина, милая Родина, где ты?
— Осень, зима, и весна я, и лето,
Я — недоступное и голубое
Небо, раскинутое над тобою!

— Родина, хочется слышать твой голос!
— Я — шелестящий налившийся колос,
Я — ручейка молодое журчанье,
Каменных гор вековое молчанье...

— Родина, сколько имеешь ты ликов?
— Речки в сверкании солнечных бликов,
Кедр на вершине, березка на склоне,
Утренний свежий цветок на ладони,
Музыка шора¹, мелодия кая²...

— О, говори, говори, не смолкая!

— Я — и очаг твой в отцовском аиле,
Там, где вскормили тебя и вспоили,
Соли шепотка и чашка с талканом³,

¹ Шор — музыкальный инструмент.

² Кай — горловое пение героического эпоса.

³ Талкан — национальная еда.

Сытным, как хлеб, ароматным, желанным,
Чай твой, из множества трав сотворенный,
И дымоход, в небеса открытый,
Звезды, луна и беседа людская...

— О, говори, говори, не смолкая!

— Я—твоя речь, то нежна, то сурова,
Через столетья прошедшее Слово!
Слово, которым ты хлеба попросишь,
Слово, которое недругу бросишь,
Слово, которое скажешь ты милой,
Слово, которое песней унылой,
Песней веселой по свету помчится,
Людам в дома и в сердца постучится
И отзовется в долинах Алтая!

— О, говори, говори, не смолкая!

— Я—молоко из груди материнской,
Силы исполненное исполинской,
Я для тебя — и отца наставленье,
Мужества, доблести, чести веленье,
Я — твои будни и праздник нечастый,
Меч твой старинный и конь твой гривастый...

— О, говори, говори же, родная!

— Я—твоя тропка лесная, земная,
Смело топчи меня — я не в обиде!
Твой поводырь на житейской орбите,
Всюду с тобой неразлучна я буду,
Выведу к дому тебя отовсюду.
Если ты в долгой разлуке страдаешь,
Ты под асфальтом меня угадаешь
И никогда не собьешься с дороги!

— Ну, а в конце, на последнем пороге?

— Черным холмом, земляною горою
Встану тогда я и прах твой укрою,
Буду как пух лебединый легка я...

— О, говори, говори, не смолкая!

— Ветры мои пропоют над тобою,
Звезды мои поплывут над тобою,
Осенью рощи мои молодые
Слезы прольют над тобой золотые!

— Родина, как же тебя я покину?
Разве такое позволено сыну?

— Есть у меня сыновья — и немало,
Всех при рождении я обнимала.
Дочери есть у меня — и немало,
Всех с колыбели я их поднимала,
И не останусь одна никогда я,
Вечная, древняя и молодая.
Память моя и любовь — беспредельны,
Вместе вас всех и любого отдельно
Я понимаю, люблю и жалею,
Вашими болями, дети, болею,
Вами я счастлива, вами богата.

— Кто же и что же сейчас для меня ты?

— Я — твои дружбы, дороги, причалы,
Счастье и мука, конец и начало,
Высший твой суд я, и правда, и право,
Главная дума, и песня, и слава.

— Родина, кланяюсь низко за это,
За разговор наш, за эти ответы!
Кто я? Твоя, в разнотравье, травинка,
Перышко, ветка, песчинка, кровинка,
Кедр-часовой у тебя на границе,
Капля-слеза у тебя на реснице!

РОДНОЕ

1

«Четыре года не бывал
В родных местах, — подумал с грустью. —
За тот заветный перевал
Когда, — подумал, — соберусь я.

Теперь уж — не повеселить
Себя свиданьем с тем, что мило,
А слезы горькие пролить
У материнского аила...»

2

В мой горный край весна пришла
С неодолимой юной силой.
И зелена, и весела
Трава над маминой могилой.

И лишь моя печаль-тоска
Не по сезону, что-то вроде
Желтеющего стебелька
В огромной праздничной природе.

3

В родных местах, в моем краю
Иная смена подрастает.
Ей не понять печаль мою,
Меня — и то едва узнает.

Я птица без гнезда теперь,
Как птица, я пою и плачу.
Мне все равно, какую дверь
Открыть со скрипом наудачу!

4

Брожу один в горах родных,
И мне они сегодня странны:
Я с детства помню, как среди них
Кричали жирные кураны.

Вновь месяц Гона наступил,
Но кличу клич не отзовется.
По склонам визг электропил
Один, щемящий, раздается.

5

Одежд алтайских не ношу,
В селении далеком бабку
Из рысьих лапок не прошу
Старинную скроить мне шапку.

В пиджак стандартный наряжен,
Держусь уверенно и прямо.
Но у хирурга под ножом
Я по-алтайски крикнул: — Мама!

6

«Отец корит меня всегда,
Он вечно мною недоволен!...»
Но погоди: пройдут года,
Исчезну я. Ты станешь волен.

Начнешь, давно уж не юнец,
В своих поступках сомневаться:
«Эх, вот бы выругал отец!..»
А он далёко. Не дозваться.

7

Дорога в гору нелегка.
Навстречу — осень спешным маршем.
На шее младшего сына
Несу. А думаю — о старшем.

Он в дальнем городе. Студент.
А все-то, в сущности, ребенок!
Тепло ль к зиме обут-одет?
Деньжонок подослать, деньжонок...

8

В семье, средь любящих сердец,
Уютно маленькому сыну!
Когда нахмурится отец —
Он к маме прячется за спину,

А поругает мама — сын
Бежит к отцу. И слава богу!
Что будет с ним, когда один,
Без нас, он выйдет в путь-дорогу?

9

Я молод был, судьбу ломал
Отчаянно и безрассудно.

Я многого не понимал,
И оттого жилось мне трудно.

Теперь на возраст что пенять!
Я по земле ходил немало
И многое сумел понять,
А легче все-таки не стало.



Прилетел в родной аэропорт,
А до дома не могу добраться.
Нет такси, автобус не идет,
И уже — что толку в авиации...

Вдруг на черной «Волге» подкатил
Старый друг: мы с ним учились в школе.
Может быть, меня б он подхватил
И отвез домой,— чего же боле?..

Школьный друг приязни не таит,
Подошел, как подобает другу.
«Как Москва? На месте ли стоит?» —
Пошутил, мне пожимая руку.

Но заметил он кого-то вдруг,
Дверцу распахнул пред долгожданным,
И уехал с ним мой школьный друг,
А меня оставил с чемоданом.

Да, начальник он... Его ль вина?
Жизнь—увы!—читать мудрость древних учит.
Старая пословица верна:
Конному ты, пеший,— не попутчик...

Рассветом застигнутый снова,
Я, право, не ведал тогда,
Мое заливалось пунцово
Лицо от зари иль стыда?

А рядом спала безмятежно
Пред миром сама чистота,
Чьи полуоткрытые нежно
Зарю отражали уста.

Восемнадцатилетним бы мне,
Слыша вновь восхищения крики,
Проскакать на строптивом коне,
Укрощая его в Каярлыке.

Чтоб, зардевшись как маковый цвет
Под моим торжествующим взором,
Поднесла мне девчонка кисет,
Весь расшитый алтайским узором.

Чтоб кружилась моя голова
Оттого, что за мною украдкой
Наблюдает ревниво вдова,
Еще юная, с лисьей повадкой.

Чтоб под вечер сказала она,
Не скрывая зазывного вздоха:
— В пене грудь твоего скакуна,
Ты коней объезжаешь неплохо.

И легко в окружении гор
Привели б мое сердце в смятенье
Соболиные брови и взор,
От которых не сыщешь спасенья.

Был готов хоть на небо, хоть в ад
Я за нею идти — все едино:

Пред соблазном не знает преград
Обольщенный впервые мужчина.

Восемнадцать иметь бы мне лет,
Чтоб ровесниц отхлынули лики
И встречал бы я снова рассвет
У вдовы молодой в Каярлыке.

На вершине Западной горы
Чистый снег целуется с закатом.
Ледяные ветры злы, остры,
Грусть и нежность в сердце, болью сжатом.

Снова наплывают с трех сторон
Сумерки над мирными долинами.
Снова слышу смех сквозь даль времен
Женщины с бровями соболиными.

Словно гуси дикие кричат
Грустно и протяжно в бесконечности,
Вновь слова былой любви звучат,
Полные печали и сердечности.

Там, вдали, на снежной белизне
Алый свет заката догорает.
Первая любовь моя во мне
Столько лет бессмертно умирает...



ДВЕ ДВЕРИ

Будь ты самого мудрого в мире мудрей,
Превзойди до конца все людские науки —
Все равно не минуешь ты этих дверей,
К первой — сам прибежишь, задыхаясь от муки.

Будешь робко скрестись и стучать кулаком,
Будешь звать: — Ради бога, открой, дорогая!
Я скакал на коне, плыл в просторе морском,
Шел пустыней, от голода изнемогая!..

Не откроется дверь. Ты, шатаясь, уйдешь,
Но ни в чем и нигде не найдешь утоленья —
И вернешься, и вновь у дверей упадешь,
Как измученный раб, упадешь на колени:

— Стала пеплом душа, стало сердце золой,
Как осеннее солнце, лицо побледнело!
О любовь, пожалей меня, дверь мне открой! —
Станешь вновь умолять на пороге несмело.

И возможно, что дверь отворится на миг,
Чтобы в тайну любви ты, страдалец, проник.

А вторая... Ее ты не станешь искать,
Только будет она все равно, как ни бейся,
То вблизи, то вдали на пути возникать,
И объехать ее, обойти — не надейся!

Пусть в испуге не раз повернешь ты коня,
Пусть метнешься по склону, как заяц петляя,—
Все равно не минуешь ты грозного дня,
Будешь, смертный, у двери стоять, умолая:

— Не откройся!..—

Но дверь распахнется сама,
Не жалея тебя, не давая отсрочки,
А за ней — только черная-черная тьма,
И во тьме — ни единой светящейся точки.

Как порой ни запутана, как ни длинна,
К этой двери приводит любая дорога,
И тебя, как любого, поглотит она —
Лишь останется, может быть, след у порога...

Две таинственных двери... Но что их роднит?
Этот вечный вопрос не дает мне покоя.
Пусть же каждый из нас возле них сохранит
Высоту и достоинство наше людское!

Белый камень мне Чуйских степей
Подарила ты, как талисман,
И, смахнув слезы с черных очей,
Скрылась, канув в дорожный туман.

Память прошлого мне дорога,
Нет вестей от тебя столько лет.
Как живешь ты в краю, где снега
Излучают таинственный свет?

Я простился с любовью былой,
Чей костер отпылал и поблек,
Но вздохнул я над горькой золой,
И зардел предо мной уголек.

То не твой ли им стал амулет,
От любви или мести зардев?
И забвенья минувшему нет:
Теленгитский¹ я слышу напев.

¹ Теленгиты — одно из алтайских племен.

ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ МЕНЯ ЛЮБИЛА

Женщина, любившая меня,
Так была чиста и так прекрасна,
Как ручей, который мчит, звеня,
В дни, когда весна и небо ясно.
Воплощеньем юности земной,
Лучше и милее всех красавиц,
Реяла, как птичка, над землей,
Ни цветов, ни веток не касаясь.

Полная доверья и любви,
Взглядом вдруг на мне остановилась.
«Если хочешь,— молвила,— сорви
Тот цветок мой, что из сердца вырос!
Он, конечно, хрупок и раним,
Он впоен моей горячей кровью,
Но его мы вместе сохраним,
Навсегда поставив в изголовье!»

И сегодня, как тогда, в былом,
Нет ее милей, светлей и чище.
Стала доброта ее теплом
Очага в моем простом жилище.
И пускай над нами снеговой
Крутится, как злая неизбежность,—
Чья в глазах у наших сыновей
Светится задумчивая нежность?

Женщина, любившая меня,
И сейчас меня не разлюбила.
Вот она хлопочет у огня.
Крепкий чай сварить не позабыла.
Рада слову, взгляду моему.
Ошибусь — прощает, как ребенку.
Высоту, хоть малую, возьму —
Отступает, скромная, в сторонку.

У нее заботы на плечах.
Вот и новый возраст наступает.
Сыновья растут. Горит очаг.
Первые морщинки проступают.
Может быть, и я здесь виноват:
Покидаю дом свой слишком часто —
Время и призванье мне велят
За бегущим днем по свету мчаться.
Все увижу, все в себя вмещу,
Чтобы строки полной жизнью жили,
Только вас я в сердце не пущу,
Женщины красивые, чужие...

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА О РЕЧКЕ БЕЛОКУРИХЕ

Николаю Марюхе

Невеличка, Белокуриха-речонка
По камням бежит и скачет, как девчонка,
Я сижу на берегу, на камне белом,
Я пришел сюда усталым, постарелым.

И такое говорю я ей словечко:
— Белокуриха, серебряная речка!
Ты летишь, неутомимая, по склонам,
Ты богата исцеляющим радоном.

Если можешь, дорогая, исцели ты
Все проклятые мои радикулиты,
Возврати мне свежесть юную былую —
Вот о чем тебя, волшебница, молю я!..

И ответ ее услышался мне вскоре:
— Я и впрямь лечить могу людские хвори,
Но и я не помогу тебе, покуда
Всей душой ты не согласишься в это чудо!

«Как же быть? — я размышляю, чуть не плача. —
Мне приказано поверить — вот задача!
Ведь воспитан я в научной атмосфере:
Верю в знание, а вере я — не верю!»

Но потом к бегущей речке я спустился
И ее жемчужной влаге причастился.
То не просто было жажды утоление —
То в меня вселялась вера в исцеленье!

День за днем сбегал я к речке по тропинке.
Видел камешков светящиеся спинки.
Да — купанью! Нет — усталости и зною!
Небо ясное купается со мною!

И как только окунаюсь я в речушку,
Волны прыгают мне сразу на макушку—
И волос моих расчесывают прядки,
И на лбу моем разглаживают складки.

А потом, на берег выйдя, загораю,
Силу солнца про запас в себя вбираю.
Слышу — спрашивает быстрая с любовью:
«Как дела, поэт Алтая? Как здоровье?»

Отвечаю: — Белокуриха, спасибо!
Ты волшебница на самом деле, ибо
Ты не только мое тело излечила,
Ты надеяться и верить научила!

И просторно мне, и дышится легко мне,
Потому-то навсегда тебя запомню,
Белокуриха, речушка-невеличка,
Дорогая милосердная сестричка!

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ УЛЫБКА

Русской женщины улыбка
Так светла, добра, чиста —
Словно солнечная рыбка,
Словно юная мечта!
Вот сверкнула дивным светом
Снеговая белизна —
О, кому на свете этом
Предназначена она?

Смеркнет солнце в ясной сини,
И на землю мрак падет,
Если вдруг с лица России
Та улыбка пропадет.
Станут все леса, и нивы,
И покосы, и жнивье
Бесприютны, сиротливы
И тоскливы
Без нее.

Вот про то и песня пета,
Вот про то, друзья, и речь:
Дорога улыбка эта,
Будем все ее беречь!

ДЕВУШКИ БАШКИРИИ

На земле Башкирии цветут
Лучшие из виданных цветы...
Даже звезды пристальнее тут
На меня взглянули с высоты!

Вдохновенья ласточка смела —
Подарила легкие крыла,
Над родной землею подняла
И к башкирским братьям принесла.

Сплошь цветы — куда бы ни пошел —
Не моей ли древней крови цвет?

...Девушки даруют мне привет —
Взгляды точно песнопенье пчел.
И не потому ли — полный зал
Песнями своими я собрал?

На земле Башкирии родной
Скромные красавицы живут...
Трудно воротиться мне домой —
Вы связали сердце сотней нут!

ПАЛЬЦЫ

Я сознание от боли терял,
Я огнем горел и льдом холодел...
Но под чьей-то вдруг рукой замирал
И поймать порханье пальцев хотел.
Гладят пальцы щеки, нежно скользя,
Соскользают, возвращаясь опять...
И понять мне, кто же это, нельзя
И так хочется мне все же понять!
Бездна боли глубока и темна.
Усмирили пальцы теплые боль.
Мама, мама!.. Неужели — она?..
«Мама, мы навек простились с тобой...»
Но опять они скользят у виска,
Гладят волосы, ласкают мне лоб.
«Мама!» Смертная, глухая тоска.
Из тех мест не смог вернуться никто...
И опять порхают пальцы, скользя,
И доверчиво себя им дарю.
Ну, а может? ...Открываю глаза
И на мир с недоумением смотрю.
Нст, куда там! Это — горестный бред.
На больничной узкой койке лежу.
Уж давно на свете матери нет...
Я опять во мрак ухожу.
...Возвращает меня к жизни слеза,
И скользят еще нежней и живей
Пальцы, — вижу, вновь открывши глаза, —
Пальцы матери моих сыновей!

ПЕСНИ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ О МАТЕРИНСКОМ СЕРДЦЕ

1

Месяц Кукушки вновь на дворе,
Вновь трава зелена,
Снова земля отошла в тепле
От зимнего сна.
Женщины вытащили на свет
Праздничные платки.
В школе,
Куда я ходил столько лет,
Бодро звенят звонки.
Но почему в этот светлый день
На сердце смертная тень?
Черный ком земли, как огонь,
Мне обжигает ладонь...

2

Лужи в полях, словно звезды,
Светятся после дождя.
Солнечно. Облачно. Вёдро...
В знойную даль уходя,
Облако движется плавно,
Тень уронив на траву...
В детстве мечталось, что стану
Облаком — и поплыву!
Солнышко мигом просушит
На поле вешнюю грязь...
Вдруг показалось, что в небе
Матери тень пронеслась!



Я приехал ночью к родным,
 А над юртой струится дым,
 Ворох искр через дымоход
 Поднимается в небосвод...
 И родной очаг не погас,
 И сестренка и зять при мне...
 Тот же чайник шумит на огне,
 Только свет материнских глаз
 И тепло их — исчезли во тьме.

Год завершил свой круг,
 И дикий гусь
 Из теплых стран
 К нам снова воротился...
 Растаял снег,
 Но не исчезла грусть,
 Хоть Каярлык
 В зеленый дым укрылся.
 Близ стойбища тоскующий журавль
 Всю ночь кричал...
 Зачем грустить весною?
 Быть может, он подругу потерял,
 А может быть, делил печаль со мною?
 Я снова воротился в Каярлык,
 Где мать уснула в земляной постели.
 Весенним днем под журавлиный крик
 Мои виски до срока поседела.

В нежных сумерках перед рассветом
 Поглядите на Каярлык —
 Иссечен морщинистый лик,

Мягко высвечен тайным светом...
Облик матери,
Облик матери...
Ранним утром снова взгляните
На морщинистый Каярлык —
Серебрятся ручки, как нити,
Снежной влагой сверкает лик...
Слезы матери...
Слезы матери...

В нежных сумерках перед рассветом
Поглядите в последний раз:
Горы залиты мягким светом —
Это свет материнских глаз...
Очи матери,
Очи матери...

Без матери зима сурова,
Без матери — недобрый взгляд,
Случайно сказанное слово
Вонзиться в сердце норовят.
Не сердце — а сплошная рана,
Весь белый свет тебе не мил.
Как будто бы под вой бурана
Бредешь один среди могил.

Луна струит мертвящий холод,
И так постыло на душе,
Как будто ты уже не молод, —
Стоишь на смертном рубеже.

Как будто вышел из-под крова
Без шанки — и бредешь во тьме...
Без матери зима сурова
От одиночества вдвойне.

Цинковыми ведрами гремя,
По утрам нас матери будили,
Шли к коровнику,
Коров доили,
Запрягали старого быка,
Тяжкие бидоны молока
На завод
Поспешно увозили.

Холод. Страх. Отчаянье. Война...
Матери детей накормят, косы
На плечи — и со всех ног в луга —
Дотемна, пока не лягут росы,
Накосить да выметать стога...
А на лицах разом — пот и слезы.

Мать вернется к ночи — и опять
Зазвенел в руках ее подойник,
Вновь бегом торопится в коровник,
Вновь быка ей надо запрягать,
Вновь везти бидоны на завод —
А в своем дому полно забот...

А когда она сомкнет глаза —
Глядь, уже светлеют небеса.

Белый телок на зеленом лугу
Прыгает, крутит хвостом, веселится,
Задом взбрыкнет, словно конь на скаку,
Встанет как вкопанный, снова помчится.

Детские годы припомню опять:
Белая наша корова рожала
Белых телят, и так ласково мать —
Зайчик, Зайчонок телят называла.

— Зайчик! Зайчонок! — услышать хочу
Эти слова, этот голос заветный.
— Зайчик! Зайчонок! — теленку кричу —
Но тот помчался вдогонку за ветром.

Белый телок на зеленом лугу,
Как захмелевший от синего мая,
Скачет и взбрыкивает на бегу,
Воспоминаньям моим не внимая.

9

Материнское личико
К старости усыхает.
Мать катится, как яичко,
Охает и вздыхает!
Вдруг заболели веки —
Станет слепой навеки!

Я завещаю сыну:
Мать не обидь упреком!
Нарочно иль ненароком...
Я завещаю сыну.

Если обидишь — будешь
Клясть сам себя сурово.
Словом себя осудишь
У материнского гроба.

Я, побродивший по свету,
С жизнью поговоривший,

Матушку похоронивший —
Знаю: роднее нету!

10

О брате моем не печалуйся, мать,
Он старшего брата привык понимать.

А ежели он не услышит меня —
То словом и делом помогут дядья.

Он водит машины по трассам страны.
Он скромн, какими должны быть сыны.

Привычек плохих он в семью не несет.
Он скоро невестку в твой дом приведет.

11

Мама,
Вы что-то спросили о внуке Амыре?
Он любопытным и умным растет мальчуганом,
Все, что творится
В громадном сегодняшнем мире,
Знает Амыр,
Путешествуя в книгах по странам.

Краски изводит,
Рисует алтайские горы,
И в дневнике иногда «подтирает» отметки,
И на хоккей иногда убегает из школы,
Словом, живет как живут все его однолетки.

Может быть, время придет —
И как вечную память
Вас нарисует в сиянии солнца и снега,

Но, коль случится, художником внук Ваш
не станет, —
Должности выше не знаю,
Чем пост Человека!

12

Я опять поругался с женой —
Слов бессмысленных наговорил,
И опять я хожу сам не свой —
Душу ревностью разбередил.

Сыновей бы стесняться пора,
Но ревную — и мучаюсь вновь...
Мама, ты и мудра, и добра:
Не вини меня — это любовь!

13

Мама! Не думай, что я хвалюсь —
Я говорю как сын,
Вам открывая душу, и пусть
Слышат с горных вершин
Голос алтайского пастуха
Лондон, Париж, Берлин,
Звуки нашего языка,
Шорох наших равнин.
Вы мне дали язык и слух,
Красок и чувств запас...
Что такое алтайский пастух,
Мир узнал через Вас...

14

Я рос без отца, и судьба
Трепала меня без пощады.

Случались минуты, когда
Я плакал от горькой досады.
Но мама, бывало, ко мне
Подсядет, ладонью погладит
По бедной моей голове
И, глядь, все тревоги уладит,
Обиду мою растворит
И сердца неистовый пламень
Отходчивым словом смирит...
Но, матушка, ежели камень
Мой друг для меня же припас,
То кто без тебя мне поможет?
В какие ладони сейчас
Твой сын свое сердце положит?

15

Снова на свете скрипят колыбели,
Снова на свете пеленки шьются,
Снова травы зазеленели,
Снова ливни на травы льются.

Мама!

Я помню брата Темира,
Помню! — во сне я стремился к брату,
Но, просыпаясь, бродил уныло:
Где он? — и где мне искать утрату?

Мама!

Сын у меня родился!
Чтобы он жил,
Восхищаясь миром,
Чтобы жизнью земной наслаждался,
Я называю его Темиром!

Я говорю себе: брось горевать —
 Это судьба матерей —
 Чтобы одних на земле оставлять
 Бедных своих сыновей.

В юрте огонь, что так дорог и мил —
 Ближе, чем отблеск звезды,
 Ярче сиянья небесных светил,
 Льющих свой свет с высоты.

Мама, я Вас потерял и теперь
 Понял горечь потерь,
 Ту, что поймут мои сыновья,
 Когда их

покину

я.

Есть земное поверье
 О бессмертье души.
 Если так — то потери
 На земле не страшны.
 Если так, то, быть может,
 Повстречаемся мы...
 Только что нас тревожит,
 Что смущает умы?
 Тяжела та дорога,
 Неохота спешить,
 Мне еще бы немного
 Да счастливо пожить,
 Да детей поженить бы,
 Да на внуков взглянуть...

Словом, крепкие нити
В даль времен протянуть.
Не хочу торопиться
В нежилые края —
За душою страница
Ненаписанная!

И покамест я таю,
Погружаясь во мглу,
Может быть, что Алтаю
Я стихом помогу.
Может быть, я добавлю
В мир крупицу любви,
Край родимый прославлю —
Мама — благослови!



ЗАВЕЩАНИЕ

Родственники, дорогие друзья,
Ты, жена,
И вы, сыновья!
Черные думы
Смущают меня,
Черные сны
Посещают меня!

Думаю: что как назавтра умру,
Кану в бездонную эту дыру?
Не забывайте,
Что вас я любил,
Хоть поругайте,
Да вспомните: б ы л!
Жил среди вас
Не силач, не герой,
Жаждал добра,
Ошибался порой...
Что перевесит?
Не знаю и сам,
Да и каким тут
Поверить весам?

Родственники, дорогие друзья,
Вот к вам последняя просьба моя:
Там, где я лягу в назначенный срок,
Холмик насыпьте,

Простой бугорок.
Пусть на нем встанет,
Любуясь собой,
Юное деревце —
Кедр голубой.

Если плохим человеком был я —
В первый же год пожелтеет хвоя,
Если на свете я прожил не зря —
Вырастет деревце в богатыря.
Пусть кедр ветвями шумит надо мной,
Крепкий,
Исполненный силы земной.

Верю я кедру!
И верю, что нет
В мире верней и надежней
Примет.
С кедром Алтая не зря я дружил;
Книгу, в которую сердце вложил,
Все, чем гордился,
О чем горевал —
«Веткою горного кедра»
Назвал.

Вот и сегодня надежда во мне
Тихо и робко живет в глубине:
Встанет в свой час
Над моею судьбой
Дивное дерево —
Кедр голубой.
Вспомнит добро
И ошибки простит,

Кроной игольчатой
Зашелестит,
В горном, таежном
Алтайском краю
Тихую песню
Продолжит мою!

АЛТАЙСКИЙ ЛУННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1. ДВЕНАДЦАТЬ АЛТАЙСКИХ МЕСЯЦЕВ

СЛОВО К ДВЕНАДЦАТИ ПЕСНЯМ
О ЛУННОМ ГОДЕ

Двенадцать песен — лунный год —
И снег, и свет, и гром, —
И песня каждая споет
О месяце своем.

Я эти песни не слагал,
Они в душе взошли,
Я не кривлялся и не лгал,
Не оскорблял земли.

Тут жизнь души. А если нет, —
За равнодушный стих
Пусть ворон пьет по капле свет
Из черных глаз моих!

Песнь первая

*Белый Месяц — Чаган ай
(Январь)*

На лыжах дети пролетят,
И по лыжне вослед
Скользит за ними на закат
Рассветный колкий свет.

Как вдох морозный — краток день,
Как песнь — длинны пути,
Возьми коня, тулун падень
И друга навести.

Плывет морозная звезда
Сквозь искры очага,
Вдвоем — короче холода,
Вдвоем — теплей снега...

Песнь вторая

*Месяц Горного Барана — Кочкор ай
(Февраль)*

Барану обломил рога
Мороз — тяжел и зол,
И вот — над жаром очага
С бараниной котел.

И дух горячий из котла
Так сытен, что сама,
Его вдыхая, отошла,
Раздобрилась зима.

Пес из-под стога вылез прочь
И уши наострил,
И зорко сторожит всю ночь
Дымящийся аил.

Песнь третья

*Месяц Пробуждения — Тулаан ай
(Март)*

С оглядкою, за перевал
Морозы побрели,
И пробужденья час настал
Для жителей земли.

В берлоге ворохнулся Дед,
Очнулся бурундук,
Готовы вылезти на свет
И суслик, и барсук.

И тайный свет вчерашних дней
Расцвел в лице твоём!..
Дочь туфли матери своей
Примерила тайком.

Песнь четвертая

*Месяц Лесной Лилии — Кандык ай
(Апрель)*

Свет солнца сеет семена
Небесного зерна,
Земля живых корней полна,
Она тепла, жирна.

Леса просторны и свежи,
И льется даль легко,
Коровой сытой холм лежит
И дышит глубоко.

О Месяц Лилии Лесной!
Твои цветы пестры
Над прошлогоднею травой —
Как стайки детворы...

Песнь пятая

*Месяц Кукушки — Кююк ай
(Май)*

Кукушка в клюве принесла
Веселый месяц — май,

Услышав птичьи голоса,
Похорошел Алтай.

Кукушка пенье с высоты
Сронила — расцвели
Небесно-синие цветы —
Глаза моей земли.

Сельчанин спину распрямил,
Душой помолодел,
О, дай ему, кукушка, сил
Для трудных вешних дел!

Песнь шестая

*Месяц Малой Жары — Кичю Изю ай
(Июнь)*

Над лесом малая жара,
Над пастбищем плывет.
Созвездию Мечин¹ пора
Покинуть небосвод.

Мечин — созвездье холодов —
Простором сметено,
В краях высокогорных льдов
Хоронится оно.

Мы в жарком шепоте ночей
Забудем лед Мечин,
Теплы созвездия очей
Средь вольных трав долин!

¹ Созвездие Орион, уходящее с летнего небосвода.

Песнь седьмая

*Месяц Большой Жары — Дьан Изю ай
(Июль)*

Жары накатит вал, а с ней
В мой Каярлык придет
И время свадеб, ярких дней
Крутой круговорот.

Как знойный полдень златоглав!
Как вечер далеко!
Дух всех шестидесяти трав
Впитало молоко.

И синь небес так молода,
И горы так горды,
Что верит сердце — никогда
Не будет здесь беды...

Песнь восьмая

*Осенний Месяц Курана — Кюсю Куран ай
(Август)*

Горяч — куран взлетит на склон,
Соперник рядом, рев,
Бой за косулю, страстный гон,
И стон, и треск рогов!

А лето никнет. Сто забот.
Остынет след копыт.
Стекается к зимовьям скот
С высоких пастбищ — сыт...

Взошло созвездие Мечин,
И от косуль земных
Куран к дрожащим звездам мчит,
Подругу видя в них!

Песнь девятая

*Осенний Месяц Марала — Сыгын ай
(Сентябрь)*

Трубит марал в седой рассвет
Из глубины лесов,
С отрога снежного в ответ
Летит горячий зов.

Сплелись средь золотой страны,
Как реки, голоса,
Тем зовом соединены
Земля и небеса.

То вечный зов: смелей живи,
Единственной живи,
Пусть бродит в яростной крови
Свет силы и любви!

Песнь десятая

*Месяц Сокращения Света — Юлурген ай
(Октябрь)*

Короче свет... Короче свет...
В снега простор одет,
И птичьих песен больше нет,
И тяжелей рассвет.

Короче свет, и даль темней,
И видел я, поверь —
Друг к другу встали потесней
Кедр и сосна теперь.

Короче свет... И вьюги вой:
Один, одна, одни...
О, как же надо нам с тобой
Быть рядом в эти дни!

Песнь одиннадцатая

*Месяц Гудящих Ветров — Кучюрген ай
(Ноябрь)*

Темнея, катится река —
Поет — не допоеет,
Хотя и крепко за бока
Ее хватает лед.

В любом подворье — дров стена,
И сена стог — хорош,
И конской крови допьяна
Напился острый нож.

Казалось бы — студеней дни,
Метель всю метет,
Но в холод ближе до родни,
Что далеко живет!

Песнь двенадцатая

*Зимний Месяц Курана — Кышкы Куран ай
(Декабрь)*

Не стало добротою зло,
Тьма перешла во тьму,
Так устье года подошло
К истоку своему.

Ударит по горам Куран —
Гудит земной гранит,
Промчится по долам Чаган¹ —
Небесный лед звенит.

Но друг на друга не взглянуть,
Не увидеть лица...
Путь от истока к устью. Путь
К началу от конца.

СЛОВО ПОСЛЕ ДВЕНАДЦАТИ ПЕСЕН
О ЛУННОМ ГОДЕ

Я рассказал в простых стихах
Алтайский лунный год,
Двенадцать песен — вольных птах —
Я отпустил в полет.

Как мать одна — земля одна —
Любима и светла,
Где есть родные имена
У стужи и тепла.

Здесь каждый месяц мне родня,
Здесь брат мне каждый год...
А не допел, так за меня
Природа допое!

II. ДВЕНАДЦАТЬ АЛТАЙСКИХ ЛЕТ

СЛОВО К ПЕСНЯМ
О ДВЕНАДЦАТИ ЛУННЫХ ГОДАХ

— Родное время! Дай совет,
Прошу тебя, ответь, —
Какой мне год из сотни лет
Избрать, чтобы воспеть?

¹Чаган — январь.

— Как выхватить кусок огня,
Кусок течения рек,
Из неделимого меня —
Минуту, месяц, век?

Иная — что ни миг — вода,
Но тот же вечный бег.
— Я неизменно, ты всегда
В движенье, человек.

Взмываешь ввысь, идешь на дно,
Возводишь, жжешь мосты.
А Время — я всегда одно
И только там, где ты.

Бедуешь — не моя вина.
Грозишь: настанут дни!
Вздыхаешь: были времена...
Оставь! В себя взгляни!

— Спасибо, Время, за совет,
Спасибо, погляжу,
Из дней своих двенадцать лет
Сложу и расскажу...

1. Год мыши

Верблюд качается, орет,
Надменен и губаст:
«Кто первый разглядит восход,
Тот имя году даст!»

Он встал и шею на восток
До неба протянул.
«А ты смотри туда, дружок!» —
Мышонку, мне, кивнул.

На запад он кивнул, смотрю —
На западе темно.
Мышонку разглядеть зарю,
Увы, не суждено.

Роняет листья звездный куст,
Светлеет небосвод,
А запад сумрачен и пуст,
С холмов туман плывет...

Вдруг — свет!.. «Восход!» — кричу я.
«Где?!» —

Верблюду разинул рот.
На горной западной гряде
В лучах сверкает лед!

Мышь стала первою. И вот
Почтил меня народ,
Год Мыши — год простых забот —
Без горя промелькнет.

2. Год коровы

Весна сурова и длинна,
Все лето льет и льет.
Коровья морда холодна —
И холоден мой год.

О, сколько бед в судьбе моей,
А радостей — на грош,
Так в эту осень светлых дней
Не много наберешь.

Он труден — Год Коровы, год —
Пустые закрома:
И сена нет, и недород,
И тяжкая зима.

Замерзнут вечные ключи,
Промерзнут русла рек,
От звезд морозные лучи
Падут на мертвый снег...

Но если, не смыкая глаз
И не жалея сил,
Трудился ты, скотину пас,
Пахал, рубил, косил,

Я, Год Коровы, говорю:
Все беды отведу,
И накормлю, и одарю,
И мирно побреду.

3. Год тигра

Мир оглашая ревом гроз,
Из зарослей времен
Я испытания принес,
Охота — мой закон!

Я не из тех, кто духом слаб;
Иду я, сон гоня:
Как небо звездное — накрап
На шкуре у меня.

И сколько на боках полос —
То тьма, то снова свет —
Вот столько я в зубах принес
Неотвратимых бед.

Но, мой через дожди и снег
Пересекая путь,
Иди смелее, человек,
И осторожен будь.

Я для угрюмых подлецов,
Кто злобою живет,
Для вероломцев и лжецов —
Неблагодатный год.

А кто по совести живет
И духом кто силен,—
В борьбе преодолает год,
Недолей закален.

4. Год зайца

С зимою в лад и с летом в лад
Скачу и там, и здесь,
То снежно-белый я до пят,
То нежно-серый весь.

Я чую за версту волков,
Я ловок и смышлен,
Я от капканов, от силков
От пуль заговорен.

Мне по нутру и дождь, и снег,
Веселье в мир зову,
Люблю на воле быстрый бег
И счастлив, что живу.

И тот, кто легок на подъем,
Без горя и забот
В проворном времени моем
Привольно проживет.

Он промелькнет, он пролетит,
Не потревожив бед,—
Любвеобилен, плодовит.
Оставит славный след...

Бредут дела со всех сторон...
Я — свет среди забот!
К веселой воле устремлен
Год Зайца — добрый год.

5. Год дракона

Я — огнедышащий дракон,
Зловещий мой полет —
Предвестье гибельных времен,
Мой год — тревоги год.

Один я все двенадцать лет
Главенствовать готов,
Чтобы затмили крылья бед
Навеки свет годов.

И звери покорились мне,
Признав главой времен,
Но мышь уселась на спине:
— Вези меня, дракон!..

Я извивался, бился, жег,
Грозил, рычал, ревел,
Но одолеть ее не смог,
Осилить не сумел.

Невзрачен, но непобедим
Мир будничных забот...
Так не двенадцать, а один
За мной остался год...

Сберечь готовьтесь тишину
И отвести беду,—
Я снова крылья разверну
В двухтысячном году!..

6. Год змеи

Я — вероломная змея,
Я злом ослеплена,
Лишь ядом голова моя
С рождения полна.

Нет ног, нет крыльев у меня,
Удел — в пыли ползти,
Сжигает зависть злей огня,
Ведет, толкает: мсти!

Мой яд, что, улыбаясь, хан
В питье соседу лил,
Теперь бездарный интриган
Берет взамен чернил...

Я — вероломный, страшный год,
Я — сорок первый год!
Как змей — приполз фашистский сброд
И кровь живую пьет!..

Отродье смрадного огня —
Я — злоба, я — змея,
Вы проклинали меня,
Но возвращаюсь я.

И жду, и мой приходит срок,
И снова, погляди,—
Меня пригреет простачок
На собственной груди...

7. Год коня

Метелью — грива на ветру,
Простор степей пробит,
Как звезды — искры на яру
Свистят из-под копыт!

Ульген¹ благословил меня
И с неба ниспослал,
Чтоб в гордом звании коня
Я другом людям стал.

Гора стоит — не обойти,
Я — крепких два крыла;
Река упала на пути,
Я — верных два весла.

Я труд любой перетерплю,
Я все перенесу,
Себя хозяину скормлю,
От голода спасу.

Мой долг — хозяина сберечь
В нужде, в труде, в бою,
Копытом каменным рассечь
Проклятную змею!

8. Год овцы

Мной человек от давних дней
Накормлен и одет,
Нет никого овцы смирей,
Покорней — тоже нет.

Я — рукавицы, шапка — я,
Пимы, платок, тулуп,
Родня бессчетная моя
Пошла на тыщи шуб.

Приспела свадьба иль пришла
Далекая родня,

¹Ульген — верховный бог алтайского эпоса.

Веселья, доброго тепла
Не будет без меня...

Такая жизнь. Но между тем —
Не так, то как служить,
Ведь без хозяина совсем
Овечке не прожить.

И мне повсюду рад народ
И с нетерпением ждет
Беззлобный, смирный, теплый год,
Как шерсть овечья — год.

9. Год обезьяны

Мечин — студеный Орион —
Созвездие мое.
Завалит снег со всех сторон
Дороги и жилье.

Мороз с утра и до утра
Вгрызаться будет в дом,
Но щедро теплая пора
Одарит мир добром.

Такие выведу деньки
На вешние пути,
Что дружно, наперегонки
Пойдет трава расти.

Живой, густой, обильный год,
Земля родит сама,
Под осень ляжет сытый скот,
И — полны закрома!

...Но слышу стон, но слышу плач,
Бездумный смрадный вой —

Великий рушится кедрач —
Убит бензопилой.

Мутна вода алтайских рек!..
Сухой расчет кругом.
Когда же, мудрый человек,
Ты вспомнишь о живом!

10. Год курицы

Придут крутые времена,
Голодный, грозный год
До крошки малой, до зерна
Подчистит, подберет.

Как на беду, болеет скот,
Ненастье день за днем,
Что ни посадишь — недород,
Нужда приходит в дом.

А Курица гребет, гребет
Несчастья из земли...
Великий год! Победный год!
Отцы с войны пришли!

В тот год народ сломал хребет
Фашистам и войне,
И счастья свет, и горя след
Навеки жив во мне.

О подвиг трудовой страны!
Лихой години сын —
Взрос в войну, но без войны
Я дожил до седин!

Но все ли в жизни сделал я,
Чтоб сгнать силам зла,
Чтобы проклятая Змея
В мой край не заползла?..

11. Год собаки

Привыкли, вроде бы не ложь,
Ну а по существу —
Собака друг, но друга все ж
Я псом не назову.

Друг, он не трется возле ног
У друга своего,
Ненастной ночью за порог
Не выставлю его.

Бывает, друга не пойму,
Порой — беседа зла,
Но не бросал я кость ему
Со своего стола.

Ты предлагаешь дружбу? Знай,
И я готов дружить,
Но твой аил и твой сарай
Не стану сторожить!..

А Год Собаки — верный год,
Ему добытчик рад,
Безбедно, выгодно пройдет,
В достатке, без утрат.

В зубах, коль скажешь, принесет
Тепло, дожди, снега
Услужливый, покорный год,
Как пес, как твой слуга.

12. Год кабана

Не злобен я, мои клыки
Затем лишь и торчат,
Чтоб рыть все лето корешки
Для малых кабанят.

Их прокормить — поди сумей!..
Со мной приходит год
Увеличения семей,
А значит, и забот.

От века присказка права —
Коль сын один — не сын,
Полсына, если сына два,
А три — вот это сын!

Достаток... Дети.... Где тут связь?
Прошли те времена,
Когда рожали не скупясь,
Хоть жизнь была бедна.

Не тем, что полная мошна,
Что «Волга» у дверей —
Гордились, что изба полна
Сынов и дочерей!..

Год Кабана приходит в дом
Напомнить нам о том,
Что мы порой не тем живем
Иль вовсе не живем.

СЛОВО ПОСЛЕ ПЕСЕН О ДВЕНАДЦАТИ ЛУННЫХ ГОДАХ

Замкнулся круг. Сомкнулся свет.
Простой напев затих.
Припомнил я двенадцать лет
Алтайских, золотых.

В полях вздымается пурга.
Как сон — из края в край
Укрыли вечные снега
Заоблачный Алтай.

Везде пути перемело,
Ни тропки, ни огня.
Свершился труд. Но тяжело
На сердце у меня.

Тревога, боль, бессонный взгляд
И вечный непокой
В душе — от множества преград,
Что на стезе людской.

Несправедливостей стена,
Коварство, зависть, страх,
Весь мир готовая война
Повергнуть вмиг во прах...

Ты все ль свершил, чтоб вправе был
В свой час сказать слова:
Я жизнь, я душу положил,
Чтобы отныне мирным был
Век ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

ТАЙНЫ РОДНЫХ КАМНЕЙ

Если кто-нибудь скажет,
что предлагаемая рукопись —
поэма, я с ним соглашусь.
Если кто-нибудь скажет,
что предлагаемая рукопись —
не поэма, я с ним соглашусь
тоже.

Николай Глазков

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТАЙНАМ РОДНЫХ КАМНЕЙ

Как отличны от других камней
Эти камни Горного Алтая,
Что меня пленяли с юных дней,
Простоту с величьем сочетая!

Тут везде, куда ни кинешь взор,
Камни, словно замершие волны.
Есть у них язык и разговор —
Камни, кто сказал, что вы безмолвны?

Подойди, склонись и не дыши,
Чтобы не был их покой нарушен.
Кто сказал, что в камне нет души?
Верно, только тот, кто сам бездушен.

Камни верны краю своему,
В них — характер нашего народа.
Много пережить пришлось ему
В ожиданье нового восхода!

Сколько несен сложено о них,
Сказок и легенд — не сосчитаю!
Эти строки о камнях родных
Я для вас нашел в горах Алтая.

1. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-СУДЬБЕ

Есть Камень-Судьба. Он, огромный, как дом,
Лежит на границе Алтая с Китаем.
Я не поручусь, что его мы найдем,
Хотя бы всю жизнь по горам проплутаем!

Иному же он открывается вдруг,
И трепет, как ток, пробегает по коже.
Такие же серые камни вокруг.
С ним вроде бы схожи — и вовсе не схожи.

Стоит и качается он, как весы;
Луна ли холодная, солнце ли светит,
Блестит его лик по утрам от росы...
Спроси про судьбу свою — камень ответит.

Считай, сколько раз он качнется назад,
Сверяй: сколько лет у тебя за спиною.
Вперед закивает — подсчитывай, брат,
Года, что осталось прожить под луною.

А если внезапно замрет он — беда:
Вот-вот оборвется твой путь человеческий.
Как буду глядеть, что скажу я тогда?
О Камень-Судьба, не ищи с тобой встречи!

2. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ ЯДА-ТАШ

(Камень — заклинатель погоды)

Пылает зной, горит пшеница —
Чего тогда ты не отдашь
Тому, кто скажет, где хранится
Волшебный камень Яда-Таш!

Тот малый камень, дар Алтая,
Неси, с ладони на ладонь
Его, коричневый, бросая,
Как будто в нем горит огонь.

С молитвой погружаешь в воду,
Совсем недолго подождешь —
И вот уже по небосводу
Несутся тучи, льется дождь.

А если нужен полдень ясный —
Клади волшебный камень ты
В огонь костра гудящий, красный —
И глянет солнце с высоты.

Цветет, сияет все в долине,
Весь отчий край любимый наш.
Как пригодился б нам и ныне
Волшебный камень Яда-Таш!

3. КАМЕНЬ БУРГЫ-ТАШ

(Камень-зубило)

Взяв когда-то камень Бургы-Таш,
Крепкий, как железное зубило,
В письменах наскальных предок наш
Нам поведал обо всем, что было.

Был он и художник, и поэт,
Был он и философ, и историк.
Сквозь века до нас его привет
Долетел однажды, горд и горек.

О делах промчавшихся времен
Письмена торжественны и строги:
Кем и как народ был покорен,
Как победу одержал в итоге.

Но порой — что может быть грустней? —
Видишь вдруг: поверх старинной были
Нанесли туристы наших дней
Глупые автографы: «Здесь были...»

Не давайся, камень Бургы-Таш,
Пошлякам тщеславным в мире этом!
Открывайся, камень Бургы-Таш,
Истинным художникам, поэтам!

4. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ КАЙРУ-ТАШ

(Камень-точило)

Вместе с дядей в поисках точила
Приезжал я в местность Кайру-Таш.
Как легенда древняя учила,
Окликал я камень Кайру-Таш.

Вот запел в ответ нам бурый камень,
Раскаленный жарким солнцем дня.
Под луной сверкнувший белый камень
Тихо шепчет: «Подбери меня!»

Древними зовем их именами,
Складываем в прочную суму
И вдвоем, нагружены камнями,
Молча едем к дому своему.

Женщины в войну свои обновки
Все отдать могли за Кайру-Таш.
Кто стальные верные литовки
Засверкать заставит? Кайру-Таш!

Счастлив я, что с детства и поныне
Есть и эта память у меня!
Счастлив я, что с детства в той долине
Есть следы и моего коня!

5. ОТУК-ТАШ

(Кремень)

Очаг — что может быть его святей,
Что может быть дороже, милый друг?
Глядит на пламя мать твоих детей,
И детский смех разносится вокруг.

Пусть невелик он, камень Отук-Таш,
Пускай не больше пуговицы он,
Но этот камень — чудотворец наш,
Когда с кресалом он объединен.

Пучок травы сухой в холодный день
К тому кремню ты приложи, мой брат,
Потом ударь кресалом о кремень —
Пусть гуще искры голые летят!

Как сладок теплый чай из белых чаш
У очага в твоём родном краю!
Так береги свой камень Отук-Таш —
Согреет он и душу, и семью!

6. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ КЕЗЕР-ТАШ

Вижу: одиноко и угрюмо
Он стоит. Кругом весна цветет.
Камень Кезер-Таш, какая дума
Столько долгих лет тебя гнетет?

Говорят, еще в начале мира
Кезер-Таш был воином, бойцом,
А до той поры, как все батыры,
Был ребенком, озорным мальцом.

После вырос в гордого титана,
Чистым сердцем за народ болел,
С темной силой бился неустанно,
Только всех врагов не одолел.

И враги, а может, злые боги
Заточили воина в тюрьму,
Отрубили руки, после — ноги,
А потом и голову ему.

Но душа живая в нем осталась
И не покорилась палачу.
Ухом припаду, забыв усталость:
Вдруг удары сердца различу?

7. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ КЕДЮРГЕ-ТАШ

Этот камень Кедюрге-Таш
Современной штанге в чем-то под стать:
Служит камень Кедюрге-Таш
Тем, кто хочет свою силу испытать.

Видишь, как его поверхность гладка,
Есть удобные выемки на ней —
Для того, чтоб не скользила рука,
Для того, чтоб ухватиться верней.

Расседлай коня и плечи расправь.
Чай согрей. Отдохни и не спеши.
Сам поешь и перед камнем поставь
Пиалу, поклонившись от души.

После камень Кедюрге-Таш
На плечах попытайся поднять.
Если сломишься под ним, сдашь —
Поздно будет на судьбу свою пенять.

Ну а если ты поднимешь его —
Сила камня прибавится к твоей,
И не будешь ты бояться никого,
Станешь первым среди богатырей!

8. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ БАТЫР-ТАШ

Камень-Богатырь на белом свете
Появился в давние века.
Этот лик суровый, плечи эти
Не людская делала рука!

В боевой кольчуге, с острой пикой
Батыр-Таш стоит перед тобой
И вот-вот, исполнен силой дикой,
Оживет — и вызовет на бой.

Если с ним бороться ты намерен —
Ляг поспать с ним рядом на траву:
Что тебе приснится, будь уверен,
Тут же отзовется наяву.

Если сам батыр тебе приснится —
Значит, быть тебе богатырем,
Будет сила гордая тесниться
В теле торжествующем твоём.

Ну а если в сон войдет девица —
Будешь ты беспомощен и хил,
Со стыдом придется возвратиться
К родичам в родительский аил!

9. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ ТАРЛАН-ЧООКЫР-ТАШ

(Звездно-пестрый камень)

Камень Тарлан-Чоокыр-Таш —
Самый красивый, он — гордость гор.
Камень Тарлан-Чоокыр-Таш
Звездным узором радует взор.

Он почитаем всеми людьми,
Тысячей глаз он глядит ввысь.
Ты перед ним шапку сними
И, как положено, поклонись.

Стукнись о камень тот головой,
Да не жалея себя — посильней:
Если в ней ветер был гулевой —
Мудрость с тех пор поселится в ней.

Если от хворей покоя нет —
Станешь здоров ты и жизни рад,
Если тебе пятьдесят лет —
Знай: проживешь еще пятьдесят.

Еду я по родной стороне,
Скоро полвека мне — жду: когда ж
Ты на пути попадешься мне,
Камень Тарлан-Чоокыр-Таш?

10. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ ЭРЕН-ЧООКЫР-ТАШ

(Полосато-пестрый камень)

Камень Эрен-Чоокыр-Таш
Не перед каждым он предстает,
Если прислушаться — он поет,
Камень Эрен-Чоокыр-Таш!

Если встретишь его в пути —
По возвращении должен ты
Первую ночь свою провести
С девой нетронутой чистоты
Или — с женщиной молодой,
Еще не кормившей грудью дитя...

И месяцы пробегут чередой,
И вот положенный срок спустя
Родится девочка. Долгий крик
Издаст она громко в свой первый миг.
Ей быть великой певицей, знай,
В песнях прославить родной Алтай!

А мальчик родится, издав в ночи
Вопль, похожий на волчий вой, —
Знай: родился великий кайчи¹,
Песней владеющий горловой.

¹ Кайчи — исполнитель алтайского горлового пения, сказитель.

Он будет петь про богатырей,
Славить красу родной стороны.
О камень, явись, откройся скорей,
Великие люди Алтаю нужны!

11. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ ЧЕЧЕК-ЧООКЫР-ТАШ

(Цветочно-пестрый камень)

Этот камень особый,
Он встречается в Чуйской степи.
Невзначай на него не ступи.
А искать — и не пробуй.

Не звучит, не поет он,
Этот камень Чечек-Чоокыр.
Говорят, что является в мир
Он с овечьим пометом.

Юность вечную он, говорят,
Дарит тем, кто возьмет его в руки.
Только радость ли это, мой брат?
Это — мука! Нет горестней муки!

Как представляю: кто были со мной —
Все ушли, одинок я и молод.
Пустота. Обжигающий холод...
Страшный камень: пройди стороной!

12. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-ЗМЕЕ

Говорят сородичи мои,
Что упал он с неба в Год Змеи.
Это год опасный и худой,
Стал тот камень для людей бедой.

На тропе лежит он, гладок, сух,
С виду, как змея, продолговат.
Про его деяния не вслух —
Шепотом в народе говорят.

Ехал всадник, торопил коня,
Конь ступил на камень — и прилип:
С места не сойти! Срежь бела дня
Конь погиб и человек погиб!

Он и войско мог порой сгубить —
Так не раз бывало на веку.
Если не умолкну — может быть,
На себя несчастье навлеку.

Множество камней в краю родном,
Все как есть я в памяти держу.
Камень-Пожиратель есть — о нем
Я теперь легенду расскажу!

13. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-ПОЖИРАТЕЛЕ

Он лежит, красив, хорош,
Он не мал и не велик,
Он, лоснящийся, похож
На расстеленный потник.

«Ляг, — зовет он, — отдохнуть,
Путник, на моей спине
И подставь лицо и грудь
Солнцу в ясной вышине!»

Ты прилег. Над головой
Свод сияет голубой.
Вдруг ты вздрогнешь: как живой,
Камень дышит под тобой.

И лежишь, недвижимый, вновь,
Сон не в силах побороть.
Камень пьет по капле кровь
И высушивает плоть.

Упрекнув меня во лжи,
Кто-то скажет: «Что за бред!»
Но попробуй докажи,
Что такого камня нет!

14. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-МЫШКЕ

На Алтае, где елки острые,
Есть гора, называется Мышка.
У подножия этой горы
Речка есть, называется Мышка.

Если скажешь тихонечко там:
«Мышка-мать, подари мне мышонка!» —
Тотчас камешек малый к ногам
Сверху скатится, прыгая звонко.

Лучше нету подарка того!
«Пить хочу! Принеси мне водицы!» —
Ночью тихо попросишь его —
Он в мышонка тогда превратится.

И шмыгнет деловито во тьму.
И воды ключевой из-под горки
Принесет в берестяном ведерке,
И спасибо ты скажешь ему.

А проснешься — карманы полны
Будут зерен пшеницы отборной:
Это ночью, при свете луны,
Потрудился мышонок проворный.

«Мышка, мышка, насыпь мне конфет!» —
Часто просят алтайские дети,
И чудес, если вдуматься, нет
В том, что просьбы сбываются эти.

«Мышка, денег в карманы набей!» —
Басом требует алчный бездельник,
Но не слышит она, хоть убей,
Остается бездельник без денег!

15. ЛЕГЕНДА О КАМНЯХ БАСПАК-ТАШ

(Жернова)

В юрту алтайца когда ни войду —
Эти два камня лежат на виду:
Камень-Мать и Камень-Дитя —
Так называют их не шутя.

Первый — побольше, поменьше — второй,
Пыль покрывала их лица порой
В бедном аиле, в голодный год,
Когда случался вдруг недород.

Но уж зато когда урожай —
Слушать их музыку приезжай:
В каждом аиле целые дни
Трутся камни, рады они!

Матери-Камню на грудь весь день
Сыплется крепкий, смуглый ячмень,
Камень-Дитя к Матери льнет —
Вот как бывает в хороший год.

Кончится если в суме зерно —
Мать и Дитя говорят одно:

«Мышка, мышка, подсыпь зерна!»
Так бывало во все времена.

Будут работать они опять,
Будут до поздней ночи не спать,
Чтоб стала жизнь светлей и сытней
Для всех матерей и для всех детей!

16. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-ВЕРБЛЮДЕ

Когда враги, внезапно налетая,
Аилы наши грабили, — тогда
Мешались в реках Горного Алтая
Людская кровь и быстрая вода.

Бежали звери, словно погорельцы:
В горах леса пылали много дней,
А серебро и золото пришельцы
Грузили на верблюдов и коней.

Верблюды шли, сухую пыль взметая,
И вдруг один на землю пал в тоске:
«Я не покину моего Алтая!» —
Сказал на человеческом языке.

Он говорил, в пыли дорожной лежа,
И в такт словам звенели бубенцы:
«Взгляните, голова моя похожа
На голову марала и овцы.

И это значит: овцы и маралы,
Сегодня истребленные врагом,
С годами расплодятся, как бывало,
Здесь, на Алтае, сердцу дорогом.

Теперь вы на меня взгляните снова:
Вот эти уши — словно у мышей,
Копыта эти — словно у коровы,
А эта шея — вроде птичьих шей.

Любого зверя есть во мне частица,
Мне все живое на земле родня,
И жизнь в горах Алтая возродится
Во всем многообразье — из меня!»

Он в землю вжался, превратился в камень,
Враги его заставить не могли
Подняться — ни толчками, ни пинками,
И скрылись, посрамленные, вдали.

Верблюд мой ожил — и на том же месте
(Зажмурь глаза, сегодняшний эстет!)
Вдруг породил, с навозом теплым вместе,
Он мальчика и девочку на свет.

И так сказал он: «Вас пока что двое!
Плодитесь, продолжайте род людской!»
Так нам гласит преданье. Ничего я
Здесь не добавил собственной рукой.

Все так ли, нет ли было — я не буду
Доказывать, вступать в бесплодный спор,
Но ведь недаром доброму Верблуду
Алтайцы благодарны до сих пор!

17. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-КОРОВЕ

Размером с корову тот Камень-Корова,
Он где-то на горке лежит, над водой,
И тот, с кем судьба обойдется сурово,
Стремится к нему со своею бедой.

— Спаси,— говорит,— меня, Камень-Корова,
Подохла недавно корова моя,
И радость ушла из-под нашего крова,
Который уж день голодает семья!

В ответ ему камень: — Коль смог ты явиться,
Я горю сумею помочь твоему!—
И камешек величиной с рукавицу,
Как знак благосклонности, дарит ему.

— Бери,— говорит ему Камень-Корова,—
Погладь его, это теленок мой!
Но только о встрече о нашей — ни слова!—
...Идет человек потихоньку домой.

И гладит он камешек снова и снова,
И вдруг благодарно светлеет лицом,
Услышав: мычат возле юрты коровы,
Ржет стадо коней с вожак-жеребцом!

18. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ УЧУК-ТАШ

(Камень-жила)

В дни, когда подлунный мир был создан,
Старше всех, обильней всех вокруг,
Красотой подобны ясным звездам
Были звери именем Учук.

Ныне их давно уж в мире нету,
Даже самый облик их забыт,
Но, услышав в детстве сказку эту,
До сих пор душа моя болит.

Звери те, на прочих не похожи,
Украшали мирные луга,
Никого не трогали — и все же
Нажили завистника-врага.

Страшный, красноглазый, гнойноглазый,
Демон зла, подземный дух Эрлик
Из глубин дохнул на них заразой,
Так, что вешний цвет кругом поник.

И пропала, сгинула порода
Тех зверей по имени Учук,
Только Мать—родительница рода —
В желтый камень превратилась вдруг.

И теперь, спрессованный веками,
Вытянутый в жилу меж камней,
Иногда находят этот камень
Сведущие люди наших дней.

Есть в нем исцеляющая сила:
Если к свежей ране приложить —
Заживит! Не зря он «Камень-жила»:
Слово «жила» ведь — от слова «жить».

Он от хворей скот оберегает!
А подчас и от душевных мук
Людам на Алтае помогает
Добрый этот камень наш — Учук!

19. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-МЕДВЕДЕ

Много различных зверей на Алтае,
И камень свой у каждого есть.
Всю свою жизнь те камни считая,
Так и не смог я их перечесать.

Много легенд про камни хранится,
Буду их собирать и впредь.
Вот, например: на самой границе
Есть, говорят, Камень-Медведь.

Камень-Медведь — раздвоенный камень:
Откроется — и сомкнется опять.
Как бабочку дети ловят руками,
Может путника он поймать.

Но если с доброй душой, приятель,
Ты спешишь на Алтай ко мне —
Каменных не страшись объятий,
Езжай спокойно хоть на коне.

А тех, кто несет беду и невзгоды,
Не пустит камень через порог...
Камень-Медведь, в минувшие годы
Что ж не всегда ты Алтай берег?

20. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-РЫБЕ

Об этом рассказывали шаманы
Раньше, чем христианский поп:
Когда-то все слились океаны,
Землю покрыл великий потоп.

Бились насмерть Небо и Воды,
Все потонуло в крошечной мгле.
Длилась их схватка долгие годы —
Как уцелела жизнь на Земле?

Но пожалело Солнце в итоге
Мирную Землю и род людской,
Ему подчинились гневные боги,
И наконец-то настал покой.

Все это — сущая правда, ибо
Доселе и в наш просвещенный век
В горах встречается Камень-Рыба
Вдали от морей и великих рек.

Похожий на рыбу, серый и гладкий,
Он память хранит о былых веках,
И малых рыб видны отпечатки
На серых гладких его боках!

21. ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОМ КАМНЕ

«Сотворим здесь реки и озера!» —
Шли дожди, обильно шли и споро,
Шесть десятилетий шли подряд.
«Станем плотью Горного Алтая!» —
Семь десятилетий, не стихая,
Каменный на землю падал град.

Новая затем пора настала:
Золото и прочие металлы
На Алтай потоками лились,
Плавились, сверкали и лучились —
И в земную толщу просочились,
В сокровенных недрах улеглись.

Возросли на них деревья, травы,
Бог-творец посматривал лукаво,
Реденькой кивая бородой:
«Все-таки придумал я не худо!
Золото для алчущего люда
Станет испытаньем и бедой!

Пусть из-за него пылают страсти,
Пусть из-за его жестокой власти
Брат встает на брата своего,
Чтобы не гордились человеки,
С богом не сравнились бы вовеки!..» —
И... пропал, как не было его.

Крови пролилось по свету много
Ради золота. По воле бога
Или нет — кто нынче разберет?
Но, верховной власти непослушен,
К золоту остался равнодушен
Мирный мой пастушеский народ!

22. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-ТАШАУРЕ

*(Кожаный сосуд для араки —
хмельного напитка из молока)*

Где-то на высоком перевале,
Говорят, есть Камень-Ташаур.
Там, по слухам, многие бывали,
Посещали Камень-Ташаур.

Он похож на кожаную флягу,
У которой ровных два плеча,
Он из горла источает влагу —
Араку, покрепче первача.

Но не вздумай там остановиться,
Влаги ненароком зачерпнуть:
Можно сладким хмелем отравиться
И забыть, куда ты держишь путь.

Отвернись с проклятьем, сын Алтая,
Ветку можжевельника зажги
И, дурманный запах отгоняя,
Мимо поторапливай шаги!

Камень-Ташаур тебе вдогонку
Сам же крикнет: «Парень-молодец!
Мой напиток, булькающий звонко, —
Лютая отравка для сердец.

Я ведь крепко помню все, что было:
С давних пор, как черная беда,
Многих одолела, погубила
Огненная белая вода.

Есть в горах Баскын — Бродяга-Камень,
Каждый день он катится ко мне,
Тянет влагу жадными глотками
И от жажды мучится вдвойне.

Нет ему ни крова, ни покоя,
Ни жена не ждет его, ни сын. «
Тот, кто неразлучен с аракою,
Станет сам бродягой, как Баскын!»

23. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-БРОДЯГЕ

Сущую правду сказал Ташаур,
Нет никого у Баскына-Бродяги:
Втянет в себя одуряющей влаги,
Прыгнет — и дальше покатится, хмур.

Катится, мечется взад и вперед
Камень-Баскын средь ночного простора,
По берегам обегает озера,
Через ручьи пробирается вброд.

Катится он и не смотрит вокруг,
В гору и под гору, к устью, к истоку,
Катится к западу он и к востоку,
Катится к северу он и на юг.

Может увлечь за собой иногда
Камень, веками на склоне лежащий,
И, заведя в незнакомые чащи,
Бросить без жалости там и стыда.

Катится, катится взад и вперед,
И неприкаянно, и равнодушно,
Но отовсюду, когда ему нужно,
Он к Ташауру дорогу найдет!

24. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-СИРОТЕ

Камень-Сироту на мой Алтай
Притащил Баскын — Бродяга-Камень.
Вспоминает Сирота свой край —
Днем и ночью с влажными щеками.

Горько плачет Камень-Сирота!
Черные мучительные слезы
По нему сбегаят неспроста
И не замерзают и в морозы.

Недоволен он своей судьбой.
Стоит невзначай к нему нагнуться —
Слышишь: «Друг! Возьми меня с собой!
Помоги в страну мою вернуться!»

Только где она, его страна,
За какими высями — белками?¹
Нам про то, наверное, спяна
Не расскажет и Бродяга-Камень.

Камень-Сирота, всему чужой,
Что с твоей поделать горькой тайной?
Может быть, согреешься душой
И признаешь родиной Алтай мой?

¹ Белки — снежные вершины гор.

25. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-ВРАГЕ

Будь упрямым и упорным —
Не дознаешься никак,
На каком уступе горном
Ждет тебя твой Камень-Враг.

Твой! Не чей-нибудь, твой личный!
Но попробуй рассмотри
Ты под внешностью обычной
Черный умысел внутри.

Он на солнышке лучится,
Он приветлив и хорош,
Он сорвется и помчится
На тебя, когда не ждешь.

В грудь ударит или в спину,
Как назначено судьбой,
Мелких камешков лавину
Увлекая за собой...

26. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ ЛЮБВИ

Если отыщешь ты Камень Любви —
Счастьем и Горем его назови,
В руки возьми, на него посмотри —
Словно бы светится он изнутри!

Он тебе в жизни сумеет помочь!
Если полюбишь хоть царскую дочь —
Будет к тебе она ластиться, лнуть,
Ночью в разлуке не сможет уснуть.

Камень Любви — самый сладостный груз:
Может он петь, как алтайский комус,

Может кричать, как влюбленный марал,
Если ты в сердце покой потерял.
Вздрогнет у девушки сердце в ответ —
И мотыльком понесется на свет!

Камень Любви в сребролунной ночи
Может подолгу, как мудрый кайчи,
Сказки рассказывать, — чтобы, любя,
Вдруг ощутил ты героем себя,
Был бы готов для Любви на любой
Подвиг бесстрашный и яростный бой,
Был бы готов защитить в том бою
Вместе Любовь и Отчизну свою.

Если ж Любовь ты решишься предать,
Камень Любви не подумает ждать:
В истинном свете представит тебя,
В песне позорной ославит тебя!

27. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ СЧАСТЬЯ

Два брата решили из дома уйти,
Два брата надумали счастье найти.
И старший уехал на Север седой,
Где высятся горы над льдистой водой,
Где в белой, морозной, провьюженной мгле
Старатели золото ищут в земле,
А средний — на Юг, где нежны облака,
Где празднична жизнь и, по слухам, легка.

А младший остался в селенье родном,
Он стал, как отец, пастухом, чабаном,
Он радовался и порой горевал,
За пазухой в стужу ягнят согревал.

25. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ-ВРАГЕ

Будь упрямым и упорным —
Не дознаешься никак,
На каком уступе горном
Ждет тебя твой Камень-Враг.

Твой! Не чей-нибудь, твой личный!
Но попробуй рассмотри
Ты под внешностью обычной
Черный умысел внутри.

Он на солнышке лучится,
Он приветлив и хорош,
Он сорвется и помчится
На тебя, когда не ждешь.

В грудь ударит или в спину,
Как назначено судьбой,
Мелких камешков лавину
Увлекая за собой...

26. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ ЛЮБВИ

Если отыщешь ты Камень Любви —
Счастьем и Горем его назови,
В руки возьми, на него посмотри —
Словно бы светится он изнутри!

Он тебе в жизни сумеет помочь!
Если полюбишь хоть царскую дочь —
Будет к тебе она ластиться, лнуть,
Ночью в разлуке не сможет уснуть.

Камень Любви — самый сладостный груз:
Может он петь, как алтайский комус,

Может кричать, как влюбленный марал,
Если ты в сердце покой потерял.
Вздрогнет у девушки сердце в ответ —
И мотыльком понесется на свет!

Камень Любви в сребролунной ночи
Может подолгу, как мудрый кайчи,
Сказки рассказывать, — чтобы, любя,
Вдруг ощутил ты героем себя,
Был бы готов для Любви на любой
Подвиг бесстрашный и яростный бой,
Был бы готов защитить в том бою
Вместе Любовь и Отчизну свою.

Если ж Любовь ты решишься предать,
Камень Любви не подумает ждать:
В истинном свете представит тебя,
В песне позорной ославит тебя!

27. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ СЧАСТЬЯ

Два брата решили из дома уйти,
Два брата надумали счастье найти.
И старший уехал на Север седой,
Где высятся горы над льдистой водой,
Где в белой, морозной, провьюженной мгле
Старатели золото ищут в земле,
А средний — на Юг, где нежны облака,
Где празднична жизнь и, по слухам, легка.

А младший остался в селенье родном,
Он стал, как отец, пастухом, чабаном,
Он радовался и порой горевал,
За пазухой в стужу ягнят согревал.

Случалось пасти ему также коней,
И не было дела милей и родней,
Он мог и животных, и птиц понимать,
И сыном гордилась счастливая мать.

Вот лето проходит, и тут в аккурат
Домой возвращается с Севера брат,
И тесно ему в материнском доме,
И душно в нездешних одеждах ему.

Зима наступает, и тут в аккурат
Из южных сторон возвращается брат,
И трудно морозы ему выносить,
Отвык он алтайскую шапку носить.

А младший смеется. Он счастлив и рад,
Он каждого брата приветствует: — Брат!
Ты к матери снова пришел и ко мне,
Давай обживайся в родной стороне!
Ведь счастье — не камень заморский, чудной,
Его не оплатишь базарной ценой.
На отчей земле, что впитала твой пот,
Оно под ногами однажды сверкнет!

28. ЛЕГЕНДА О КАМНЕ ВЕКА

Этот камень — слышали о нем? —
Раз в столетье облик свой меняет.
Был архаром горным — стал конем,
Скачет конь, архара догоняет.

Был Медведем, Тигром и Змеей,
Кем еще он не был в этом мире?
И склонился человек земной
Перед камнем средь осенней шири.

Вспоминает жаркие бои,
Вспоминает годы созиданья,
Вспоминает многие свои
Радости, тревоги и страданья.

Светят сверху мириады звезд —
Вечные небесные соцветья.
С каждым годом все короче хвост
Нашего двадцатого столетья.

Груз тревог трагически велик,
И одна мечта давно близка мне:
Пусть разумный человеческий лик
Наконец-то выступит из камня.

Или, отвергая кровь и грязь,
От лучей рассветного эфира
Засияет камень, превратясь
В Знамя Торжествующего Мира!

29. ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТАЙНАМ РОДНЫХ КАМНЕЙ

Рассказ про камни Горного Алтая,
Родительского края моего,
Когда-то я задумывал, не зная,
С чего начну, чем кончу я его.

Спасибо всем, кто старые преданья
Пересказал мне, помня и любя.
Не отрекись, что в ту живую ткань я
Добавил кое-что и от себя.

Теперь закончен долгий труд как будто,
Хоть я — не упрекайте — опустил
Рассказ о камне, на котором Будда
Сидел, когда Алтай мой посетил.

Мне тот сюжет не слишком интересен.
Вот о камнях Проклятья и Добра
Немало есть легенд и древних песен —
Я их спою, когда придет пора.

А может быть, излишне даже это:
Алтай неисчерпаем до конца.
Он ждет сегодня нового поэта,
Высокого, достойного певца!

В ТЮСЯХ



УТРО В ОКЕАНЕ

На земле моей далекой отчей
С почты свежей, с утренних газет
Начинал всегда я день рабочий...
Но газет ведь в океане — нет!

Что поделать! Встану с солнцем вместе,
Сон стряхну остаточный с ресниц.
Слушаю «Последние известия»
И грущу по шелесту страниц.

И как раз поэтому, быть может,
Океана синяя волна
Сердце по-особому тревожит:
Эти волны — словно письма!

И уже находится работа
И воображенью, и уму —
Кажется порой: вот-вот я что-то
В этих строчках льющихся пойму.

Что там: голос Вечности могучий
Или вести нынешнего дня?
Но уже опять с волной блескучей
Тайна ускользает от меня.

«Доля Японии,— сообщает диктор,— на рынке автомобилей в США составляет 20 процентов, телевизоров — 30, магнитофонов — 50.— Вдохновенно звучит по радио голос:—90 процентов мотоциклов, проданных в этом году в США, были японскими...»

Океан в ответ гудит и стонет,
И швыряет брызги в вышину,
И сердито ухает, и гонит
За волной бегущую волну...

Тихий океан

СТРАХ

Шумит, гудит, вздыхает океан,
А сердце в ребра кулаком колотит —
Все кажется мне: черный великан
Из бездны встанет и меня проглотит.
Кто защитит меня во тьме ночной,
Вдали от кромки тоненькой земной?

Все по-другому там, в родных горах,
Там каждый камень — щит мне и опора:
На то и есть они — родные горы!..
И я, смиряя суеверный страх,
Спускаюсь вниз: уютная каюта,
Спаси от мирового неуют!..

Тихий океан

ДВЕ ЛУНЫ

Океанская мощная плещет волна,
На воде незнакомая блещет луна,
А на небе при этом, как всюду, видна
Та, знакомая с детства, родная луна.

Вы глядите сейчас на нее, земляки?
Как сейчас от меня вы, друзья, далеки!
Но и в этом далеком своем далеке
Я пою на алтайском родном языке.

Кто поймет меня здесь? Ты лишь только одна,
Неподдельная, круглая в небе луна,
Ты — алтайка, чабанка, землячка моя,
Лишь с тобой здесь могу беседовать я.

Только ты, от тоски и печали храня,
Улыбаешься мне, ободряешь меня,
А вторая, обманная, там, в глубине,
Так ехидно порой усмехается мне.

Так плыву и плыву я дорогой ночной
В этой страшной стране, меж луной и луной,
Все вперед и вперед, в наступающий день,
Одинокий бродяга, нездешняя тень.

— Кто ты? — спросят, скользя над водой,
облака.

— Я — алтаец. Отчизна моя далека.

Японское море

БУМАЖНЫЕ ЖУРАВЛИ

Если хочешь удачи во всем и всегда —
Вырезай журавлей, не жалея труда,
Ни бумаги, ни времени не пожалей:
Вырезай журавлей, вырезай журавлей.
«Если вырежешь тысячу, — здесь говорят, —
Все мечты, все желанья исполнятся, брат!»

Жаль, что раньше мне это никто не сказал,
Я бы все вечера журавлей вырезал,
Чтобы только увидеть, как можно скорей,
Эту землю в объятиях теплых морей,
Где у храмов старинных, куда б ни зашли,
Шелестят на ветвях журавли, журавли...

Токио

О ЗАБОЛЕВШЕМ ЯПОНЦЕ

Жаркие улицы Токио
В круговращенье минут,
Точно цветные потоки,
Кружат, галдят и текут...
Люди и автомобили
Улицу заполонили.

Часто в толпе этой тряской
Видишь — прохожий идет,
Марлевой чистой повязкой
Нос закрывая и рот, —
Чтобы не сеять повсюду
Грипп или злую простуду.

Он мне напомним, шагая,
Добрую душу Алтая:
«Ежели твой благоденствует скот, —
Пусть и соседский не хуже живет.
Ежели терпишь опасный недуг, —
Главное: не заразился бы друг!»

Токио

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА

Поэт Тацудзи Миеси
Сказал в шутливой строке:
«Ничто посмертная слава
Пред теплой чаркой сакэ».

И я подумал, проживший
Почти пять десятков лет:
«Конечно, это печально.
Но... может, и прав поэт?»

Людей так много на свете,
Есть разные люди, но
Изведать хоть запах славы
Совсем немногим дано.

А солнце для всех сияет,
Для всех восходят цветы,
Для всех шумят водопады,
Стремительны и чисты.

Все в мире неповторимо,
Как сказано неспроста:
И юношеская удаль,
И женская красота.

Прекрасна неповторимость
Обычной жизни земной.

Поэт Тацудзи Миеси,
Согласны ли вы со мной?

Вы здесь — хозяин, я — путник,
Странствующий налегке.
Поэт Тацудзи Миеси,
Где чарка с вашим сакэ?

Токио

КОГДА ЦВЕТЕТ САКУРА

Вновь на японскую землю пришла
Вешняя радость — чиста и светла.

Смотрит окрест восхищенный народ —
Древняя сакура снова цветет.

Милые лица изумлены...
Кажется, что не от теплой весны,

А от японских приветливых глаз
Сакура белым цветеньем зажглась,—

Словно раскрыв вековечный секрет...
Жизнь. Простота. Обновляющий свет.

И по-ребячьи японцы глядят,
Как засветились и горы, и сад,

Как раскрывает глаза небосвод...
Сакура тайны свои выдает!

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА, ПОСВЯЩЕННАЯ САКЭ

Гид рассказал пословицу нам, чтобы
Мы ею насладились, точно песней:
«Сакэ — лекарство от любой хворобы.
Сакэ — причина множества болезней».

...Гуляя среди улиц иностранных,
Японцев я почти не видел пьяных.
В чужой стране себя держал я строго:
Пил ради интереса и немного!

Да, ради любопытства, а не сдуру
Я пригубил японскую «микстуру»,
Которую не пробовал ни разу...
А землякам сказал (оно полезней!)
Пословицу не всю, а только фразу:
«Сакэ — причина множества болезней».

ПОПУГАЙ В СИНГАПУРСКОМ ПАРКЕ

В Сингапуре, в парке птичьем,
Птиц немыслимых мы кличем...
Их со всех концов земли
В парк открытый привезли.

В Сингапуре, в парке птичьем,
Попугаи нам предстали
В дивном и цветном обличье...
Но и здесь — свои печали!

Вот один. Необычайный
Красный цвет его неистов.
Но,
 своею полон тайной,
Он не смотрит на туристов.

Окружили попугая:
— Гутен таг!
— Хелло!
— Бонжур! —
Он помалкивает, хмур,
Никому не отвечая.

Эти ахи, эти охи,
Слов разноязыкий пыл...
Он устал от суматохи
И в молчании застыл.

Вдруг
и мне
пришла идея!
И, нисколько не робея,
Я сказал, как можно звонче:
— Эзен, попугай-ёткёнчи! —
Так
сказал я
по-алтайски.

Птичьи засверкали глазки —
С быстротою несусветной,
Как на крик инопланетный,
Обернулся — и давай
Веселиться попугай!

Люди, что вокруг стояли,
Удивились, просияли,
Мне протягивают руки...
Я молчу с упрямством буки
И краснею от стыда,
Точно мальчик-сирота.

Боже! В сингапурском парке,
Где под солнцем перья яркие,
Птица огненной окраски
Повторяет по-алтайски:
— Эзен!..

Сингапур

МАЛЬЧИКИ НАГАСАКИ

Улица Нагасаки —
В шуме и суете.
Два маленьких брата в сквере
Учатся каратэ.
Отец белозубый — рядом,
Порой отступит на шаг.
Присмотрится — и подскажет:
— Вот так, мой мальчик, вот так!.. —
Дескать, вполне возможно,
На поворотах судьбы
Сгодятся тебе приемы
Народной древней борьбы!

И были в отцовском взгляде
И гордость, и торжество.
А я вспоминал сынишку
Младшего своего.
Сквозь подступившие слезы
Глядел на ребят — а те
Смеялись, овладевая
Приемами каратэ.
И были еще похожи
Ладони их нежных рук
На крылышки быстрых ласточек,
Порхавших в саду вокруг.

Сын мой, каким на свете
Тебя я видеть хочу?
С чем выпущу в жизнь большую?

Чему тебя научу?
Ты каратэ не знаешь,
Не слыхивал о таком,
Но ты не в ладах и с древним
Дедовским языком.
Об этом с болью ночами
Думаю в темноте...
А может быть, вправду все же
Сейчас нужней каратэ?

Два мальчика, два японца
Считают, что это так:
Нужны и жесткость в защите,
И быстрота атак.
Нужно умение драться —
Тогда и только тогда
Выстоишь в этом мире,
Не пропадешь без следа!
Недаром с такой заботой
Отец помогает им...
А я шагаю по городу,
Своей тревогой томим.

Шумит кругом Нагасаки
В разгаре летнего дня.
Я знаю: на этот город
Пал некогда смерч огня.
И много-много мальчишек
И взрослых — стали золой,
И ветер смешал их с небом,
И дождь их смешал с землей.

Сегодня на тротуарах —
Мирный людской поток.
Но этот мир во многом
Еще, как прежде, жесток.

О чем ревут самолеты
Огромные в вышине?
О чем перископ подлодки
Неслышно шепчет волне?

Чему отдадим мы Завтра —
Вражде или Доброте?
А мальчики, между прочим,
Все учатся каратэ...

• НОЧНОЙ СТРАХ ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ НАГАСАКИ

Ночь над черным океаном.
В небе ни одной звезды.
Кто велит нам,
 окаянным,
Жить-плутать среди воды?

И порхает наше судно
По волнам, как мотылек,
Страшно, холодно и трудно.
Нет земли, и нет дорог.

— Вдруг, пока ты был в пути,
Вдруг, пока чернела ночь,—
Взорван мир — и не спасти,
Грянул взрыв — и не помочь?!

Что как на земле сплошная
Страшная лежит вода?

Что как синего Алтая
Не увижу никогда?
Может быть,

у скромный, он
Наводнением поглощен?..

Точно щепочку — свирепо
Вскинула корабль волна.
Я гляжу с тревогой в небо:
— Где же звезды? Где луна?

ВЬЕТНАМСКИЕ БАСТАРДЫ

Снова память меня возвращает упрямо
В жаркий город в далекой-далекой стране,
И опять полукровки, бастарды Вьетнама,
Вспоминаются мне, вспоминаются мне.

Оккупации дети, зачаты в позоре,
Матерям приносили не радость, а горе...
Только люди всегда остаются людьми!
Только дети всегда остаются детьми!

Все вьетнамское в них: и язык, и повадки,
И восточная

вечная

складка у глаз,

Лишь волос,

рыжеватых и вьющихся,

прядки

Говорят об Огайо,

Кентукки,

о штате Техас.

Различаю их в черноголовом потоке,
Юных сверстников,

горько сочувствую им,

Ибо дети

нередко бывают жестоки:

— Эй, ты, янки, бастард! Убирайся к своим!..

Блещут острые, непримиримые взгляды,
И хочу закричать я ребятам тогда:
— Погодите, ребята, постойте, не надо,
Ни к чему бесполезная эта вражда!

Ваши братья, такие же легкие телом,
Пусть их волосы рыжи и кожа белей,
Разве вскормлены
 хлебом Америки белым,
А не рисом
 с истерзанных здешних полей?

Их отцы в те минуты, когда отплывали
От причалов Сайгона, дневных и ночных,
Разве
 золото им на прощанье совали?
Целовали?
 Слезу проливали о них?

Их далекие заокеанские деды,
Свято чтущие бога, закон и семью,
Подарили хотя бы по велосипеду
Этим внукам нечаянным в жарком краю?

Не поют они песен степной Оклахомы,
Не видали сверканья бродвейских огней,
Им лишь бомбы Америки с детства знакомы —
Это главное, что им известно о ней.

Ни Техас, ни Кентукки их сердцу не близки,
Во Вьетнаме они родились и живут
И, как вы, по-вьетнамски, а не по-английски
Море — морем
и рыбою — рыбу зовут.

ВЬЕТНАМСКИЕ БАСТАРДЫ

Снова память меня возвращает упрямо
В жаркий город в далекой-далекой стране,
И опять полукровки, бастарды Вьетнама,
Вспоминаются мне, вспоминаются мне.

Оккупации дети, зачаты в позоре,
Матерям приносили не радость, а горе...
Только люди всегда остаются людьми!
Только дети всегда остаются детьми!

Все вьетнамское в них: и язык, и повадки,
И восточная

вечная

складка у глаз,

Лишь волос,

рыжеватых и вьющихся,

прядки

Говорят об Огайо,

Кентукки,

о штате Техас.

Различаю их в черноголовом потоке,
Юных сверстников,

горько сочувствую им,

Ибо дети

нередко бывают жестоки:

— Эй, ты, янки, бастард! Убирайся к своим!..

Блещут острые, непримиримые взгляды,
И хочу закричать я ребятам тогда:
— Погодите, ребята, постойте, не надо,
Ни к чему бесполезная эта вражда!

Ваши братья, такие же легкие телом,
Пусть их волосы рыжи и кожа белей,
Разве вскормлены
 хлебом Америки белым,
А не рисом
 с истерзанных здешних полей?

Их отцы в те минуты, когда отплывали
От причалов Сайгона, дневных и ночных,
Разве
 золото им на прощанье совали?
Целовали?
 Слезу проливали о них?

Их далекие заокеанские деды,
Свято чтущие бога, закон и семью,
Подарили хотя бы по велосипеду
Этим внукам нечаянным в жарком краю?

Не поют они песен степной Оклахомы,
Не видали сверканья бродвейских огней,
Им лишь бомбы Америки с детства знакомы —
Это главное, что им известно о ней.

Ни Техас, ни Кентукки их сердцу не близки,
Во Вьетнаме они родились и живут
И, как вы, по-вьетнамски, а не по-английски
Море — морем
и рыбою — рыбу зовут.

Здесь мужать им, в стране материнской,
свободной,
Где им все так знакомо и близко вокруг,
И растить, наклонясь над землей плодородной,
И метелочки риса, и сладкий бамбук.

Ну а если опять автоматным прикладом
В двери вашего дома ударит беда,—
Встанут с черноволосыми братьями рядом
Эти рыжеволосые парни тогда.

Распрямятся, поднимутся гордо и прямо,
Чтоб друзья и враги — все увидеть могли:
Никакие они не бастарды Вьетнама,
А законные дети родимой земли!

ТОСКУЮ ПО РОДНЫМ ГОРАМ

Меня тянет к родимым алтайским горам,
Я здороваться с ними привык по утрам,
Но сегодня в степи, что ровна и бела,
Я стою словно голый, в чем мать родила.

Я привык, что родимые горы меня
Обступают, поддерживая и храня,
А сегодня я здесь одинокий такой —
Словно колышек, вбитый безвестной рукой.

Даже страшно отчасти: иду я, иду —
И мне кажется, в пропасть сейчас упаду,
Нет в пространстве опоры — лишь марев игра...
А в горах мне как посох любая гора!

Мне в лицо красным пламенем пышут пески,
Желтый ветер степной — как дыханье тоски,
Сушит губы, старается мне помешать
Песню петь, говорить и свободно дышать.

Даже солнце здесь, кажется, всходит с трудом,
Одиноко ему в этом небе пустом,
А под вечер, спустившись как рыба на дно,
В эту землю мучительно входит оно.

Но я знаю: тому, кто вот здесь родился,
Эта степь дорога до былиночки вся;
Знаю я, что и этот вот стебель степной —
Для кого-то он самый родной.

Значит, сердце мое, понимай, привыкай,
Но и помни алтайский торжественный край,
И высокие кедры в колючем снегу,
И отцовский аил на речном берегу.

Там в долинах прохладная мчится вода,
Там глядится в нее голубая звезда,
Там поют, не смолкая, родные ветра,
Там похожа на сердце любая гора!

И тогда поспешил я скорее домой,
На Алтай мой любимый, единственный мой,
Не спалось мне в пути, и на белой заре,
Шапку сняв, поклонился я первой горе!

ЗИМНЕЕ ПИСЬМО В УЛАН-БАТОР ПИСАТЕЛЮ СЭНГИЙНУ ЭРДЭНЭ

Где же лето — зеленая нежная птица?
Растворилось в небесной оно глубине,
На Алтай опускается снежная птица,
Развернув над горами крыла, Эрдэнэ...

В эти дни забивают монголы скотину.
Режут на зиму скот и в моей стороне.
В чистом холоде дали угасшие стынут.
Ты бы в гости приехал теперь, Эрдэнэ.

Вот еще один год, он у нас за плечами,
Может быть, я старею, но кажется мне —
На год стали мы ближе к прощанью, к печали,
Приезжай, не откладывай, друг Эрдэнэ!

Помнишь, ты подарил мне прекрасный
подарок —
Свет привольного лета в монгольской стране,
Шелковистые травы, густые отары
Стали песней моею, душой, Эрдэнэ.

Подарил мне, шутя, ты волну Керулена
И Онон золотой с жемчугами на дне,
И с тех пор но моим они катятся венам,
И ведут, и волнуют меня, Эрдэнэ.

Твоя книга «Год Мыши» близка мне до боли,
Героиня, подобная светлой весне —
Сэмджуэй, победившая трудную долю,
Не сестра ль, не подруга ль твоя, Эрдэнэ?

Прочитал, и твоя героиня родная
С этих пор стала близкой и родственной мне,
Пусть невзгод Семджуэй и печалей не знает,
Пусть счастливою будет она, Эрдэнэ!

Вновь Год Мыши, он будет и мягким, и сытным,
Свет луны серебрится на спящей сосне,
Месяц Белого Снега скрипит под копытом,
Ты же любишь коней и снега, Эрдэнэ!

Не оглянешься — снова лога и долины
Вскинут крылья зеленые! В гости ко мне
Приезжай по весне, мы взойдем на вершины,
Мы пройдем по Алтаю с тобой, Эрдэнэ.

В мой родной Каярлык мы поедем с тобою
На конях легкокрылых в рассветном огне,
Окруженный в аиле друзьями, роднею —
Ты увидишь Алтай Золотой, Эрдэнэ...

Был моложе и тратил я годы беспечно,
Но теперь все большее сознание во мне,
Что, как многое в мире невечно, — не вечно
Нам на месяц-копыто смотреть, Эрдэнэ.

Не тобой ли «Год Мыши» написана книга...
Вновь Год Мыши в твоей и в моей стороне!
Приезжай на Алтай в Месяц Белого Снега,
Друг мой, брат мой монгольский, Сэнгийн
Эрдэнэ!

МОНГОЛЬСКИЙ ПОЭТ ДОЛГОРЫН НЯМАА В ГОРНО-АЛТАЙСКЕ

По главному проспекту
Родного городка
Я шел — и человека
Узнал издалека.
Его узнал я сразу,
Хотя и со спины:
Да это ж мой товарищ
Из дальней стороны!

Когда же он приехал?
Зачем не позвонил?
Неужто нашей дружбе
Товарищ изменил?
А ведь прошло немного:
Я различаю, что
На нем — все та же кепка
И серое пальто.

Такой же он высокий,
Костистый и худой,
Несет портфель тяжелый
Он как ведро с водой.
Монгольский мой товарищ,
Талантливый поэт —
С ним вместе в институте
Учились мы пять лет.

В моем краю бывал он
И прилетел опять.

Я следом устремляюсь,
Хочу его догнать.
Его чудное имя
Я вслед ему кричу,
Догнал — и ударяю
С размаха по плечу.

И вот он обернулся,
Стоим — зрачки в зрачки.
Но где же, — я растерян, —
Знакомые очки?
Лицо совсем другое
И взгляд совсем другой...
— Простите, обознался,
Товарищ дорогой!

Мой друг, поэт монгольский,
Не прилетел ко мне,
Живет себе как жил он
В монгольской стороне.
Однако убедился
Я только что, вот-вот:
Его далекий образ
В душе моей живет.

А может, правы предки
И это дух его,
Монгольского поэта,
Собрата моего,
Примчался на мгновенье
Проведать мой Алтай —
И поспешил обратно,
В родной, далекий край?..

БЫСТРОНОГИЙ МОНГОЛ

Гобийская поэма

...стоим около портрета прославленного бегуна ГЭНДЭ-НА...

*Из книги очерков Н. Хоглова
«Монгольские дали».*

1

Сын арата Гэндэн
Рос в степи —
И дорос
До шестнадцати лет,
Крепок,
Темноволос.

Вот пасет он овец
Как-то в Гоби родной,
Вдруг увидел:
Вблизи
Пляшет заяц степной.

Скачет-пляшет косой,
Никого не боясь,
И охотничья страсть
Тут в парнишке зажглась.

«Вот настичь бы —
И взять длинноухого в плен!»
И пригнулся, и стал
К зайцу красться Гэндэн.



Но косой — не простак:
Услыхал, углядел —
Может, кустик Гэндэн
Ненароком задел?

Только вздрогнул косой,
Встрепенулся —
И вмиг
От простертой руки,
От охотника —
Прыг!

И пошел, и пошел —
Только уши прижал,
А парнишка за ним —
Сто кустов обежал.

Бесконечен степной
Каменистый простор.
Мчится юный арат
С бугорка на бугор.

Через камень махнет,
Через русло ручья...
Есть и в беге свое
Вдохновенье, друзья!

Мчится заяц степной,
А за ним — человек.
Все на свете забыл:
Только бег,
Только бег!

Но летит без оглядки
Пушистый комок,
Не бывало таких,
Кто б догнать его смог.

И смеется, смеется
В азарте Гэндэн:
«Все равно захвачу
Длинноухого в плен!»

Все на свете забыл:
Только бег,
Только бег!..
Степь таких состязаний
Не знала вовек.

Никогда не видала
Такой быстроты —
Даже солнце дивится,
Смотря с высоты.

Видит: начал косой
Постепенно сдавать,
Стал от скачки стремительной
Ослабевать.

И его настигает
Подросток-арат,
И глаза его
Счастьем победы горят.

Он добычу
За длинные уши берет
И несет в свой сомон¹,
Удивляя народ.

И летит впереди,
Торжествуя, молва,
И твердят о Гэндэне
Такие слова:

¹ Сомон — селение.

«Он догнал, захватил
Длинноухого в плен,
Пусть зовется теперь:
Быстроногий Гэндэн!»

2

Сын арата Гэндэн
Молод был, да умен:
Не зазнался
От славы нечаянной
Он.

Вот Гэндэну двадцатый
Исполнился год,
Он в степи, как и прежде,
Отару пасет.

И однажды Гэндэн
В переделку попал:
Красный волк-душегуб
На отару напал.

Душит, режет овечек
Одну за другой...
Жаль, что нет у Гэндэна
Ружья под рукой!

Крикнул громко Гэндэн
Раз, другой — и замолк,
Ибо знает пастух,
Знает, видно, и волк:

Степь огромна,
Никто не услышит вокруг...
Парень — к волку бегом,
Стиснув палку-урук.

Но волчище — не трус:
Дерзок он и силен,
И навстречу противнику
Вскинулся он.

Зубы лязгают,
Кровью глаза налиты:
«Кто-то нынче умрет —
Или я, или ты!»

Острой палкой Гэндэн
Бьется с лютым врагом —
И не выдержал враг:
Прочь пустился бегом.

Мчится волк по снегам,
По безлюдным местам,
А за ним — распаленный
Гэндэн по пятам.

Ветер шапку сорвал —
Не до шапки теперь:
Не ушел бы, не скрылся,
Не спрятался зверь!

Зимний ветер степной
Так и свищет в ушах.
Только бы не устать,
Не отстать ни на шаг!

Остановится волк,
Обернется на миг —
И припустит опять,
Свесив красный язык.

Но уже устает он,
Прыжки — тяжелей...
Ну, теперь уж, пастух,
Ты врага не жалей:

Приближайся смелей,
Палкой бей по спине —
За кровавый разбой
Пусть ответит втройне!

Кувыркнулся, присел
И оскалился волк —
Так и слышен зубов его
Яростный щелк.

Сунул палку Гэндэн
Зверю в жадную пасть:
«Будешь знать, как овец,
Мне доверенных, красть!»

И охотник-пастух,
Молод, не утомим,
Сам, как волк, на врага
Прыгнул махом одним.

И коленом прижал,
И коротким рывком
Стиснул челюсти волка
Своим кушаком.

И связал ему лапы
Надежным узлом...
И молва замахала,
Как птица, крылом:

«Нынче волка живого
Гэндэн приволок!..»
Ну а путь у молвы,
Как известно, далек.

И не стоит дивиться,
Что эту молву
Занесло в Улан-Батор
И даже в Москву.

Жизнь, какие порой
Чудеса ты творишь!
Пишут письма Гэндэну
Берлин и Париж,

Даже с Кубы звонят,
Из далекой страны:
Зоопаркам
Гобийские волки нужны!

Я по свету поездил
Немало, друзья,
Повидал в зоопарках
Немало зверья.

Я в Сухуми
Монгольскую встретил лису,
Любовался
На рыжую эту красу,

В Сингапуре
Гобийского волка узнал —
И Гэндэна при этом
Всегда вспоминал.

Это он потрудился —
Бегун и ловец
И пастух неустанный
Госхозных овец!

Разнеслась его слава,
По свету кружа,
Вопрошают туристы
Из-за рубежа:

— Где живет ваш земляк,
Быстроногий Гэндэн?
Он, должно быть, сейчас
Знаменитый спортсмен?

И монголы тогда
Говорят им в ответ:
— Он известным спортсменом
Не сделался, нет...

3

Сын арата Гэндэн
Дожил до тридцати,
Но в больших городах
Не бывает почти,

На больших стадионах
Рекордов не бил —
Он родимую степь
Навсегда полюбил,

И всех судеб милей
Для Гэндэна одна:
Кочевая судьба
Пастуха, чабана.

Ветер Гоби
Ему заменяет уют,
Птицы Гоби
Ему свои песни поют,

Слаще гимнов победных
Для сердца звенят
Голоса народившихся
Белых ягнят.

Здесь любая песчинка —
Родная, своя,
Здесь кочуют друзья,
Здесь растут сыновья,

Каждый вешний цветок,
Пусть неброский на взгляд,
Как слеза материнская,
Дорог и свят.

Но отсюда,
Из войлочной юрты родной,
Ныне слышит он гулы
Всей жизни земной.

Современник свершений,
Больших перемен,
Свой приемник транзисторный
Гладит Гэндэн.

И привычными стали
Ему чудеса:
Всей планеты Гэндэну
Слышны голоса.

Знает: борются люди
За мир на земле,
Чтобы солнце над ней
Не померкло во мгле.

«К вечным звездам
Не зря человека влечет,—
Размышляет Гэндэн,—
Космонавтам — почет,

Но земля,
Что лежит под ногами у нас,
Разве чем-нибудь хуже
Космических трасс?

Славный путь —
Человечеству звезды дарить,
Только разве зазорней
Корову доить?

Вот орел величаво
Парит в синеве,
Тень его — на земле,
На зеленой траве.

Горд и волен орел,
В ясном небе он — бог,
Но и он
Только небом
Прожить бы не смог.

На земле его пища,
Гнездо на скале —
Высоко над землей,
Ну а все ж —
На земле!»

Сын арата Гэндэн
 Мирно, скромно живет,
 Но однажды опять
 Удивил он народ.

Ярко флаги алеют,
 И степь зелена —
 Праздник Первого мая
 Встречает страна.

Чем отметить достойнее
 Праздник такой?
 По народной традиции —
 Скачкой лихой!

Выслал каждый сомон
 Самых ловких парней,
 Выслал каждый сомон
 Самых лучших коней,

А Гэндэн — поглядите! —
 Притопал пещком,
 И на старте Гэндэна
 Встречают смешком:

— Не бывало такого
 До этого дня,
 Чтобы пеший хоть раз
 Обогнал бы коня!

— Эй, Гендэн, —
 Из толпы раздается людской, —
 Если ты победишь,
 Приз попросишь какой?

— Аргамака тогда
Подарите вы мне,
Я домой возвратиться
Хочу на коне!

— Ну, а если, Гэндэн,
Проиграешь забег,
Что с тебя мы получим,
Чудак-человек?

— Проиграю — пусть будет
Как я говорю:
Всем сомонам по волку
Живьем подарю!

Смех веселый вокруг:
— Больно нужен твой волк!
Пусть другой за тобою
Останется долг:

Если ты проиграешь,—
Хотим предложить,—
Свой покинешь сомон,
Здесь останешься жить!..

Но Гэндэн говорит,
Улыбаясь в ответ:
— Свой сомон я люблю,
Где увидел я свет.

Значит, надо лететь мне
Подобно стреле,
Чтобы верным остаться
Родимой земле!

Все болельщики
Нетерпеливо глядят,
Старики-мудрецы
За порядком следят,

Чтобы все соблюсти,
Как обычай велит.
А толпа все гудит,
А толпа все бурлит.

А потом
Воцарилась на миг тишина,
Встал на старте Гэндэн,
Рядом — три скакуна.

Парень в белой рубашке —
На черном коне,
И подобен скакун
Напряженной струне.

Парень в красной рубашке —
На белом коне,
И скакун его блещет,
Подобный луне.

Третий парень
В рубашке сидит голубой
На гнедом жеребце —
Так и рвется он в бой!

А Гэндэн —
В красной майке и в красных трусах,
Свежий ветер играет
В его волосах.

Бах!—
На старте сигнал
Подает пистолет,
И рванулся Гэндэн
За джигитами вслед.

Он за ними бежит,
Он чуть-чуть отстаёт,
Но поблажки себе
Никакой не даёт.

Он бежит,
И глаза ему солнце слепит,
Бьют в лицо ему
Камешки из-под копыт.

Все слилось воедино:
Земля, небеса,
Горизонта вдали
Чуть видна полоса.

Вьются конские гривы,
Струятся хвосты —
Степь давно не видала
Такой красоты.

И не хочет Гэндэн
Отступать, уступать,
К силе сила
В ногах прибывает опять.

Но и кони,
Пластаясь над степью, летят —
Уступать не хотят,
Отступать не хотят.

Что такое?!
Глаза не поверят никак:
Отстает от Гэндэна
Гнедой аргамак.

И наездник напрасно
Торопит коня,
В поражение своем
Аргамака вина...

Вот и черный красавец,
Как видно, устал,
Спотыкаться,
Сбиваться все чаще он стал,

И наездник,
Жалея коня своего,
На обочину
Вдруг направляет его...

— Оп-куруй! —
Ободряет Гэндэна народ. —
Оп-куруй! Оп-куруй! —
Это значит: «Вперед!...»

И летит он,
Почти не касаясь земли,
Только ноги босые
Мелькают в пыли.

Сердце выпрыгнуть хочет уже
Из груди,
Но по-прежнему скачет
Еще впереди

Всадник в красной рубашке
На белом коне,
На жемчужном красавце,
Подобном луне.

И стоит, и пестреет
Людская стена,
Остряки
Подзадоривают бегуна:

— Может, пятки
Свинцом у тебя налиты?
Ты ли зайца поймал?
Нет, как видно, не ты!

— Не обгонишь коня,
Все надежды пусты!
Ты ли волка поймал?
Нет, как видно, не ты!

Говорят по обычаю так,
Не со зла,
Потому что Гэндэн
Мчит быстрее, чем стрела.

Кто же все-таки первым
Закончит байгу?..¹
И, не выдержав, конь
Рухнул вдруг на бегу!

И, как молния,
Мимо промчался арат.
— Вот батыр так батыр!—
Все кругом говорят.

¹ Байга — состязание.

По обычаю,
Брызжут в Гэндэна водой,
Чтобы он никогда
Не спознался с бедой,

И подносят ему
Ароматный кумыс,
И качают его —
Вверх и вниз,
Вверх и вниз.

И летает Гэндэн,
И смеется Гэндэн:
— Вот и сам я попал,
Получается, в плен!

6

Слышал я: с той поры
Как стоит этот мир,
Не рождался
Подобный Гэндэну батыр!

Не в кровавом сражении
Он победил,
На соседние страны
Войска не водил,

Во дворце не сидел,
Не судил, не рядил —
Он в стремительном беге
Себя утвердил.

Ну а завтра,
Заветной мечтой окрылен,

Вдруг отыщется парень
Быстрее, чем он?

Ведь промчался уже
На стальном корабле,
Улыбнулся из космоса
Отчей земле,

Клятву верности ей
По-монгольски шепча,
Новый, звездный Гэндэн —
Космонавт Гуррагча.

Удивительный мир,
Удивительный век,
Но всего удивительнее —
Человек.

Он и землю украсил,
И к звездам взлетел,
И не ведом ни в чем
Человеку предел.

И на этом кончается
Песня моя.
Кто продолжит ее,
Молодые друзья?

СОДЕРЖАНИЕ

Автопортрет. <i>Перевод Т. Бек</i>	3
--	---

У себя дома

Наскальные рисунки Алтая. <i>Перевод</i>	
<i>Р. Казаковой</i>	6
«Нет, я родился не у трех берез...» <i>Перевод</i>	
<i>И. Фоякова</i>	8
«Когда среди алтайских гор поедешь...» <i>Перевод</i>	
<i>И. Фоякова</i>	9
Мой город. <i>Перевод И. Фоякова</i>	11
Аркан. <i>Перевод Т. Бек</i>	13
«Ты говоришь: «Виски болят...» <i>Перевод</i>	
<i>Т. Бек</i>	15
Москва. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	16
Фантазия и попытка предвидеть свою судьбу.	
<i>Перевод И. Фоякова</i>	18
Сон о железной стране. <i>Перевод</i>	
<i>И. Фоякова</i>	22
Первое письмо поэту Кайсыну Кулиеву, отправлен-	
ное с дороги. <i>Перевод И. Фоякова</i>	
25	
Второе письмо поэту Кайсыну Кулиеву, отправлен-	
ное в день возвращения на Горный Алтай с Север-	
ного Кавказа. <i>Перевод И. Фоякова</i>	
27	
Вместо третьего письма поэту Кайсыну Кулиеву —	
надпись на его книге «Трава и камень», прислан-	
ной мне из Чегемского ущелья. <i>Перевод И. Фоякова</i> .	
30	
«Человек из вчерашнего дня...» <i>Перевод</i>	
<i>И. Фоякова</i>	31

Примета зимы. <i>Перевод И. Фоякова</i>	32
«Однажды в мире всприхнул я, как спичка...»	
<i>Перевод И. Фоякова</i>	33
«Темный лес и осенняя мокрая ночь...»	
<i>Перевод И. Фоякова</i>	34
«Проложил прокос в траве зеленой...»	
<i>Перевод И. Фоякова</i>	35
Заброшенные деревни. <i>Перевод И. Фоякова</i>	37
Разговор с Родиной. <i>Перевод И. Фоякова</i>	39
Родное. <i>Перевод И. Фоякова</i>	43
«Прилетел в родной аэропорт...» <i>Перевод</i>	
<i>Р. Казаковой</i>	47
У подножья священного древа. <i>Перевод</i>	
<i>Я. Козловского</i>	49
«Восемнадцатилетним бы мне...» <i>Перевод</i>	
<i>Я. Козловского</i>	51
«На вершине Западной горы...» <i>Перевод</i>	
<i>И. Фоякова</i>	53
Две двери. <i>Перевод И. Фоякова</i>	55
«Белый камень мне Чуйских степеней...» <i>Перевод</i>	
<i>Я. Козловского</i>	57
Женщине, которая меня любила. <i>Перевод</i>	
<i>И. Фоякова</i>	58
Маленькая сказка о речке Белокурихе.	
<i>Перевод И. Фоякова</i>	60
Русской женщины улыбка. <i>Перевод И. Фоякова</i>	62
Девушки Башкирии. <i>Перевод Т. Бек</i>	63
Пальцы. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	64
Песни любви и печали о материнском сердце.	
<i>Перевод Ст. Куняева</i>	65
Завещание. <i>Перевод И. Фоякова</i>	77
Алтайский лунный календарь. <i>Перевод</i>	
<i>А. Плитченко</i>	80
Тайны родных камней. <i>Перевод И. Фоякова</i>	100

В гостях

Утро в океане. <i>Перевод И. Фонякова</i>	128
Страх. <i>Перевод И. Фонякова</i>	130
Две луны. <i>Перевод И. Фонякова</i>	131
Бумажные журавли. <i>Перевод И. Фонякова</i>	132
О заболевшем японце. <i>Перевод Т. Бек</i>	133
Посмертная слава. <i>Перевод И. Фонякова</i>	134
Когда цветет сакура. <i>Перевод Т. Бек</i>	136
Японская пословица, посвященная сакэ.	
<i>Перевод Т. Бек</i>	137
Попугай в Сингапурском парке. <i>Перевод Т. Бек</i>	138
Мальчики Нагасаки. <i>Перевод И. Фонякова</i>	140
Ночной страх после посещения Нагасаки.	
<i>Перевод Т. Бек</i>	143
Вьетнамские бастарды. <i>Перевод И. Фонякова</i>	144
Тоскую по родным горам. <i>Перевод И. Фонякова</i> . . .	147
Зимнее письмо в Улан-Батор писателю Сэнгийину	
Эрдэнэ. <i>Перевод А. Плитченко</i>	149
Монгольский поэт Долгорын Нимаа в Горно-	
Алтайске. <i>Перевод И. Фонякова</i>	151
Быстроногий монгол. <i>Гобийская поэма. Перевод</i>	
<i>И. Фонякова</i>	153

Борис Укачинович Укачин

АВТОПОРТРЕТ

Стихотворения и поэмы

Редактор Г. Иванов

Художественный редактор О. Червецова

Технические редакторы Н. Децко, Л. Демьянова

Корректоры В. Дробышева, Н. Дмитриева

ИБ № 4408

Сдано в набор 18.12.86. Подписано к печати 30.03.87.
Формат 70×90/32. Гарнитура об. нов. Печать офсет-
ная. Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 6,44. Усл. кр.-отт.
22,52. Уч.-изд. л. 5,67. Тираж 5000. Заказ 106. Цена 70 коп.

Издательство «Современник» Государственного коми-
тета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книж-
ной торговли и Союза писателей РСФСР, 123007, Москва,
Хорошевское шоссе, 62.

Госкомиздат РСФСР. Полиграфическое производст-
венное объединение «Офсет» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Волгоградского обл-
исполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач.

3 ТМ@ Т. 1 зм. 2. 2148—85

70 коп.

